

Александр Михайловский
Александр Харников

ВРЕМЯ РУССКИХ

Путь в Царьград - 4

Ангелы в погонах

Александр Михайловский

Бремя русских

«Автор, Автор»

2022

Михайловский А. Б.

Бремя русских / А. Б. Михайловский — «Автор, Автор»,
2022 — (Ангелы в погонах)

Выработав план и разделив сферы ответственности, Российская империя и Югороссия приступают к реализации построения задуманного нового прекрасного мира, где не будет жестоких мировых войн и беспощадного диктата англосаксов. Пусть в городе на Потомаке считают себя четвертым Римом и преисполняются по этому поводу безмерной спесью, но знающим людям уже известно, что это второй Карфаген, который ради блага всего человечества должен быть разрушен. Больше Америк – хороших и разных. Тем временем в Европе все идет своим чередом: Британская Метрополия в морской блокаде, королева Виктория прямо на заседании парламента сходит с ума, а специально назначенные люди медленно, но неумолимо приближают крах Британской империи, которую воистину можно назвать тюрьмой народов. Такая вот страшная комедия заката Британской империи вручную, под барабанный бой приближающегося Апокалипсиса...

© Михайловский А. Б., 2022

© Автор, Автор, 2022

Содержание

Часть 12. Затишье перед бурей	5
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Александр Михайловский, Александр Харников Бремя русских

Часть 12. Затишье перед бурей

01 сентября (20 августа) 1877 года. Утро. Петербург. Аничков дворец. Кабинет императора Всероссийского Александра III.

Присутствуют:

Император Всероссийский Александр III;

Правитель Югороссии – контр-адмирал Виктор Сергеевич Ларионов;

промышленник Николай Иванович Путилов;

профессор Дмитрий Иванович Менделеев;

министр путей сообщения – князь Михаил Иванович Хилков;

министр финансов – Николай Христианович Бунге.

За окнами царского кабинета синело все еще летнее небо. Природа лишь готовилась встретить осень тысяча восемьсот семьдесят седьмого года от Рождества Христова. Минуло жаркое и бурное лето, перевернув весь ход истории как лемех плуга, подрезавший и перевернувший пласт жирного чернозема. Началась новая история России и всего мира. Войны, похоже, закончились, а мирные дела только начинались.

– Господа, – император внимательно посмотрел на тех, кто сидел за большим круглым столом в его кабинете, – я пригласил вас сюда, чтобы сказать следующее... – Он помолчал с минуту, а потом продолжил: – Экономическое развитие Российской империи необходимо ускорить. Нам надо наращивать нашу экономику и развивать промышленность настолько быстро, насколько это возможно. Благополучие нашего народа, устойчивость наших финансов и конкурентоспособность наших товаров должны возрастать с той же скоростью, с какой мы будем увеличивать наши производственные возможности. Один великий человек однажды сказал, что Россия должна пробежать за десять лет тот путь, который другие государства проходили за столетия. Иначе ее сомнут. Сейчас мировые державы в шоке и в некотором расстройстве от самого факта появления на свет Югороссии – младшей, но могучей и энергичной нашей, скажем так, сестры. Но, этот шок скоро пройдет, и тогда, возможно, нам придется противостоять объединенным силам Европы и Америки. Когда это случится, не знаю. Но могу предположить, что уже через пятнадцать-двадцать лет нам следует быть готовыми к подобному развитию событий.

– Ваше Императорское Величество, вы говорите о будущей войне со всей Европой? – спросил князь Хилков. – А как же тогда тот союз, который мы заключили с Германией, Данией и Швецией?

– В жизни нет ничего вечного, Михаил Иванович, – ответил император. – Союзы – как люди: они живут и умирают. Сей договор даст нам те требуемые пятнадцать-двадцать лет для мирного развития. Можете спросить у Виктора Сергеевича – он подтвердит, что политика стран часто меняется под влиянием экономических конъюнктур. Сегодня они одни, а завтра – другие. И тогда договоры под влиянием изменений в политике становятся просто ничего не значащей бумажкой.

– Именно так, – кивнул контр-адмирал Ларионов, – как ни прискорбно это сознавать, но Маркс констатировал: «капитал при 100 процентах попирает все человеческие законы, при 300 процентах – нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом

виселицы». А самое прибыльное дело, как известно, это грабеж соседа. Маржа при этом доходит до тысячи процентов, и кружит головы финансистам и промышленникам сильнее, чем виски. Вот исходя из этого, мы и должны строить нашу внутреннюю и внешнюю политику.

– Вот видите, – сказал император, – чтобы быть в любой момент готовыми отразить натиск алчных соседей, мы просто обязаны сделать нашу страну сильной во всех отношениях.

Александр III сел в кресло, которое под ним жалобно скрипнуло, и открыл большой кожаный бювар с императорским гербом и монограммой.

– Я хочу выслушать ваше мнение, господи, – сказал он. – Николай Христианович, вы ознакомились с бумагами, что были отправлены вам из моей канцелярии?

Николай Христианович Бунге не спеша встал и степенно кивнул аккуратной белой бородой, мало похожей на ту лопату, которую пытался отрастить себе новый самодержец.

– Да, Ваше Величество, – сказал он, – я внимательно прочитал присланные вами документы. Скажу сразу – они меня потрясли. Многое из того, что я узнал, рассеяло мои иллюзии, которые я питал в молодые и зрелые годы. Либерализм – это тупик в развитии общества. Я полностью разделяю проект дальнейшего развития экономики и финансов Российской империи, и готов принять советы от моих коллег из Югороссии, тем более что, судя по тому, как были подготовленные предоставленные мне документы, они прекрасно знают свое дело. Господин адмирал, – обратился он к Ларионову, – я хочу выразить в вашем лице восхищением блестящим анализом мировой экономики и прогнозам ее развития на ближайшие лет десять-пятнадцать. Многое, о чем я только подозревал, стало мне абсолютно ясно и понятно.

Ларионов кивнул, а Бунге, посмотрев в глаза императору, закончил:

– Ваше величество, поверьте мне – интересы моей Родины, каковой я почитаю Россию, для меня всегда стояли на первом месте, и я ничуть не жалею о моих иллюзиях, с которыми пришлось расстаться вчера вечером.

– Вот и замечательно, Николай Христианович, – удовлетворенно заметил Александр III. – Но я должен сразу же предупредить вас, что обязанностей у вас теперь будет столько, что я всерьез опасуюсь, хватит ли у вас сил с ними справиться. Вам надолго придется забыть и о преподавании, и о ректорстве в вашем любимом Киевском университете Святого Владимира. Что поделаешь: способных, грамотных и честных управленцев у нас не так уж и много.

– Работой меня не испугать, Ваше величество, – с улыбкой сказал Бунге, – думаю, что я справлюсь. Мы, немцы, народ трудолюбивый. В этом мы чем-то похожи на русских, и потому, наверное, прекрасно уживаемся друг с другом. Только там, где русский берет все напором и смекалкой, немец добивается упорным кропотливым трудом.

– Вот такие мы похожие и непохожие, Николай Христианович, – улыбнулся император. – Заниматься же вам придется двумя вещами. Первое – это финансы, которые, как говорит Виктор Сергеевич, у нас поют романсы. Ныне они в крайне расстроенном состоянии, и необходимо их срочно привести в порядок. Второе – это крестьянский вопрос, требующий срочного решения. Крайне неравномерное расселение людей на территории Российской империи, острый дефицит земли в западных и центральных губерниях, и такой же острый дефицит тех, кто выращивает хлеб, в губерниях восточных – все это побуждает нас к быстрым, серьезным и точным решениям. Это первое неустройство в крестьянском вопросе, требующее немедленного решения. Вторым является, то, что часть крестьян, оставляя пашню, должны стать рабочими еще не построенных наших заводов и фабрик. А из-за сплошной неграмотности они не способны этого сделать. Вот, Николай Иванович Путилов подтвердит, что у нас в России крайне сложно найти не то что инженера или мастера, но даже достаточно квалифицированного рабочего, токаря или слесаря. А нам через несколько лет потребуются десятки тысяч таких рабочих.

– Да, Ваше величество, – кивнул Путилов, – вы совершенно правы. Я ума не приложу, что тут можно сделать. Квалифицированные рабочие потребуются нам очень скоро, и в большом

количестве. На специалистов, завербованных за границей, у меня надежда слабая. Их мало, да к тому же, боюсь, они будут больше стараться разузнать наши секреты, чем делиться своими.

– Извините, Ваше величество, – сказал адмирал Ларионов, – может быть, на первых порах стоит снять с Николая Христиановича эту непрофильную для него нагрузку, и частично возложить ее на плечи армии, которую в наши времена не зря называли «школой жизни»?

Бунге с благодарностью посмотрел на адмирала Ларионова.

– Следует обязать взводных и ротных командиров обучать своих солдат грамоте, счету и письму, – продолжал тот, – я знаю, что многие офицеры и без того в свободное время делают это. Но стоит сделать обучение грамоте подчиненных обязательным, и ввести за эту доплату к денежному довольствию. Насколько мне известно, российское обер-офицерство получает скромное жалование, и лишняя копейка им будет кстати. Это необходимо и для принятия на вооружение русской армии новых видов винтовок и соответствующей тактики. Магазиновая винтовка, которая в ближайшее время появится у нас, потребует бойца нового типа, способного, получив приказ командира, самостоятельно сориентироваться на поле боя, отыскать и уничтожить врага. Так что грамотность нижних чинов для русской армии – это не роскошь, а необходимость. Кроме всего прочего, такое решение можно будет считать начальным этапом всеобщей ликвидации безграмотности, необходимой для того, чтобы уберечь русское крестьянство от различных нигилистических учений. А по выходу нижних чинов нашей армии в запас среди них можно будет проводить оргнабор рабочей силы для отечественной промышленности и транспорта...

– Орг... простите, что это? – не понял профессор Бунге.

– Это организованный набор, Николай Христианович, – пояснил адмирал, – то есть такая форма привлечения трудовых ресурсов, когда этим занимается специальная служба, контролирующая перемещение людей. Нам ведь совсем не нужны безземельные, безработные, празднующиеся бездельники, по сути, являющиеся горючим материалом для всяких там бунтов и революций. Мы ни в коем случае не должны допустить люмпенизации русского крестьянства и бесконтрольного перемещения населения.

– Виктор Сергеевич, вы всерьез предлагаете вернуть крепостную зависимость? – спросил профессор Бунге. – Не станет ли это шагом назад?

– Не станет, Николай Христианович, – улыбнулся адмирал. – Земля сама держит на себе мужика крепче любых цепей. Дайте крестьянину землю, и он с нее добровольно никуда не уйдет. Люмпенизированное крестьянство, оторвавшееся от своей общины и не нашедшее себе места в городе – страшная опасность для государства. Люди при этом быстро теряют все положительные качества, имеющиеся у русских мужиков, не приобретая подобные же качества у мастеровых. Отсюда такое количество босяков, людей, занимающихся преступным промыслом, легко поддающихся антиправительственной агитации. Поверьте мне, именно эти такие вот люмпены станут в будущем заводилами всех беспорядков и мятежей. И чем меньше их будет, тем спокойней и безопаснее будет жизнь с России. А что касается крепостного права, то, Николай Христианович, я бы посоветовал вам познакомиться с отчетами фабричных инспекторов, наблюдающих за тем, какие порядки господа промышленники вводят на своих заводах и фабриках для рабочих. Тут возврат даже не к крепостному праву, а к самому настоящему рабству, когда работодатель видит в рабочем не человека, а говорящее приложение к станку. Некоторые из наших отечественных фабрикантов дают по сто очков форы легендарной помещице Салтычихе, которая в царствование императрицы Екатерины Великой замучила в своих имениях больше сотни крепостных. И одна из задач, которые будут стоять перед вами, уважаемый Николай Христианович – это строжайшее пресечение нарушений трудового законодательства, которое само по себе, скажем прямо, довольно несовершенно. С людьми, готовыми за копейку умучивать ближнего своего, мы Великую Россию не построим. Новые законы должны ограничить детский труд, ввести минимальную оплату труда, усилить ответственность

промышленников вплоть до уголовной за несоблюдение правил техники безопасности на фабриках и заводах. Словом, сделать все, чтобы крестьяне, которые решат выйти из своей общины, нашли для себя достойную и высокооплачиваемую работу на предприятиях Российской империи. Знаю, что работы здесь непочатый край, но кто сказал, что всем нам, присутствующим здесь, будет легко...

– Хорошо, Виктор Сергеевич, – кивнул император, – то есть, в том, что сейчас происходит, ничего хорошего, конечно же, нет. А хорошо только то, что вы владеете реальной ситуацией. Но что-то подсказывает мне, что не все будет так гладко. Если мы хотим сделать Фабричную инспекцию карательным органом, то ничего путного из этого не выйдет. Давать большую власть в одни руки – это недальновидно. Фабричные инспекторы, даже если назначить большое жалование, не всегда смогут устоять перед соблазном. Ведь наши промышленники, не в обиду вам будет сказано, господин Путилов, мастера давать взятки.

Александр III усмехнулся.

– Я полагаю, что, передав Фабричную инспекцию в ведомство Николая Христиановича и наделив ее надзорными и статистическими функциями, всю тяжесть борьбы с взяточниками, лихоимцами и казнокрадами надо возложить на другую организацию, которую еще предстоит создать по образу и подобию вашего, Виктор Сергеевич, югоросского КГБ. Предлагаю назвать это новое, подчиненное лично мне, ведомство «ИСБ» – Имперской Службой Безопасности.

Император обвел взглядом присутствующих и кивнул.

– Да-да, именно так, господа. Жандармы-то наши явно не справляются со своими обязанностями. Трагическая гибель моего батюшки – тому наглядное подтверждение. Мы должны научиться бороться со шпионами, террористами, а так же с теми, кто злоупотребляет властью на местах. Несомненно, что будущий состав этой службы будет комплектоваться как из сотрудников Департамента полиции и жандармерии, так и из армейских офицеров, имеющих склонность к этой работе. Также я надеюсь, что ваше КГБ, Виктор Сергеевич, поделится с нами опытными сотрудниками.

– Да, Ваше Величество, – кивнул контр-адмирал, – разумеется, мы поделимся с вами нашими знаниями, опытом, сотрудниками и специальным оборудованием. Думаю, что вы правы: хорошо организованная служба безопасности, как выразился бы господин Ульянов, надежно защитит безопасность России.

– Кстати, Виктор Сергеевич, – император повернулся к адмиралу Ларионову, – а что там с этим самым господином Ульяновым?

– Ваше Величество, мы взяли всю семью Ильи Николаевича под свою опеку, – ответил Ларионов, – и надеемся направить кипучую энергию его детей в более конструктивное русло. Думаем, что у нас все получится, ибо мы имеем дело не с закоренелыми негодяями, а с людьми, сбитыми с толку модой на нигилизм. Собственно, перед нами встает еще один вопрос – возможно, не менее важный, чем положение крестьянства и создание мощной промышленной базы... – Контр-адмирал сделал паузу, чтобы слушатели могли осознать только что им сказанное. – Война дала России немало героев, которые могли бы стать достойным образцом для юношества, – продолжил он. – Конечно, в газетах были ярко расписаны подвиги этих храбрых воинов на поле брани. Но почти сразу после окончания боевых действий о них быстро забыли. Надо найти способ запечатлеть их славные дела так, чтобы дети в Российской Империи стали играть не в казаков-разбойников, а в макаровых и скобелевых, героев боев в Болгарии и на Кавказе. Мы должны помнить, что будущие солдаты и офицеры новой Российской армии и флота сейчас еще ходят пешком под стол. Как говорил Филипп, царь Македонии, «необходимо двадцать лет готовить армию к войне, чтобы потом она все решила за один день»...

Император утвердительно кивнул, и адмирал Ларионов продолжил:

– И вообще, нам надо серьезно заняться борьбой за умы нашей молодежи. Мода на нигилизм, отрицание всех и вся должна быть искоренена. Непорядок, когда образованные люди

России выступают, пусть даже на словах, против властей своей страны и против своего народа. Это недопустимо.

– Что же вы предлагаете, Виктор Сергеевич? – спросил император. – Проблема сия, появившаяся у нас еще чуть ли не с Петровских времен, стара как мир.

– Да, – ответил адмирал, – быстро решить эту застарелую проблему действительно невозможно. Но решать ее надо. С одной стороны, высылки и репрессии делают из этих нигилистов «героев», образцы для подражания для молодежи, которая по природе своей всегда более радикальна, чем люди зрелые, имеющие опыт и умеющие анализировать действительность и отличать добро от зла. С другой стороны, если пустить все на самотек, то безнаказанность опьянит дурные головы, и разлагающее воздействие только усилится. Проблему надо разделить на несколько частей, и решать ее, исходя из тяжести совершенного преступления... Во-первых – есть те, кто открыто нарушает законы и призывает к насильственному свержению существующей власти. Таких следует публично судить, показывая, что они на самом деле меньше всего думают о судьбах народа, а их настоящая цель – власть и удовлетворение личных амбиций. При этом необходимо доказать связь этих «пламенных революционеров» с их иностранными покровителями и озвучить суммы, полученные на дело «свержения самодержавия» от зарубежных доброхотов. Наказанием за таковые деяния может быть до пятнадцати лет каторги с полной конфискацией имущества и лишением российского подданства, с высылкой за пределы империи после отбытия наказания. Во-вторых – есть люди, которые для достижения политических целей совершают убийства, акты саботажа и диверсий. Наказанием таким может быть только одно – суд и смертная казнь. Родные и близкие террористов должны быть признаны пособниками, и наказаны соответствующим образом. В-третьих – есть кухонные болтуны и коридорные фронтеры, которые из внушенной нигилистической пропагандой неприязни к правительству тормозят исполнение его распоряжений, считая их ненужными – этих надо увольнять с занимаемых должностей и судить, а после отбытия наказания запретить им занимать руководящие посты. Есть еще и те, кто расхищает и присваивает государственные и общественные средства, вымогает взятки, обкладывает народ поборами... Это в наше время называлось коррупцией. Такими вещами, к сожалению, занимаются многие российские чиновники. Таких надо беспощадно увольнять со службы, штрафовать и конфисковывать нечестно нажитое имущество, ссылая на пожизненное поселение к берегам Северного Ледовитого океана. В этом деле, если мы займемся им со всей серьезностью, нам как раз и помогут те самые молодые люди «со взором горящим», которые, как я уже говорил, вследствие своего юношеского радикализма особенно нетерпимо относятся ко всем случаям чиновничьей несправедливости и мздоимства. Надо показать им, что с несправедливостью можно бороться не только с револьвером или динамитом в руках...

– Да... – задумчиво сказал император, поглаживая бороду, – задали вы задачку, Виктор Сергеевич. И ведь все логически верно – не подкопаешься.

– Кстати, – добавил контр-адмирал Ларионов, – при всем при этом необходимо отличать справедливое недовольство нормальных людей злоупотреблениями и казнокрадством чиновников от злопыхательства и призывов бороться с властями как таковыми. Поэтому любая информация о должностных правонарушениях должна быть тщательно проверена имперской службой безопасности. С саботажниками, ворами и казнокрадами надо бороться беспощадно. Вопрос только в том, чтобы информация с мест быстро и беспрепятственно, вне зависимости от желания местных властей, могла поступать в Санкт-Петербург.

Император задумался на мгновение, а потом сказал:

– Если я не ошибаюсь, Ирина Владимировна, Великая княгиня Болгарская, по профессии газетчик? Не согласится ли она посодествовать в создании у нас чего-то подобного вашему ИТАР-ТАСС? Мне известно, что она и сейчас продолжает публиковать свои репортажи и очерки под мужским псевдонимом в «Санкт-Петербургских Ведомостях». Супруге моей очень

нравится ее слог. Если уж заниматься пропагандой и контрпропагандой, то надо делать это профессионально.

– Ваша величество! – возмущенно воскликнул Бунге, – вы собираетесь поручить такую важную работу женщине?

При этих словах князь Хилков, профессор Менделеев и промышленник Путилов загадочно улыбнулись, поскольку уже имели честь познакомиться с супругой болгарского великого князя. Император же насмешливо посмотрел на Бунге.

– Николай Христианович, – сказал он, – вы, конечно, можете мне и не поверить, но в этой, казалось бы, слабой женщине силы и решительности поболее, чем у иного мужчины. Мир, из которого к нам пришли Виктор Сергеевич и его товарищи, жесток и беспощаден. Женщины там, если нужно, сражаются с врагом наравне с сильным полом.

Император посмотрел на адмирала.

– Вот, Виктор Сергеевич, и ответ на то, как прославить подвиги наших воинов. Я решил – Русскому Телеграфному Агентству Новостей быть! Виктор Сергеевич, я попрошу вас уговорить Ирину Владимировну на первых порах возглавить эту организацию. Находиться она будет лично в моем подчинении, что освободит нас от множества проблем. Но мы отвлеклись от главного...

Александр III еще раз внимательно посмотрел на профессора Бунге и спросил:

– Николай Христианович, вы внимательно прочитали переданную вам записку о работе пока еще не существующей организации, именуемой «Госпланом»? Вы уже поняли основные принципы деятельности этой организации? Без нее мы просто не справимся с задуманным нами масштабным преобразованием России.

Профессор кивнул.

– Да, Ваше величество, я уже понял, что предполагаемая работа, об основных направлениях которой вы здесь только что сказали, равносильна крупной военной операции, без тщательного планирования обреченной на провал. Все это идет в разрез с положениями нынешней экономической науки, но ведь и сама эта наука еще не ставила перед человечеством задач подобного масштаба. Чем-то подобным до сих пор занимался только император Петр Великий. Что ж, Ваше Величество, я с радостью возьмусь за этот тяжкий труд, и надеюсь, что через пятнадцать лет нашу Россию будет не узнать.

– А что? – неожиданно сказал адмирал Ларионов. – Ведь и у Иосифа Виссарионовича ушло три пятилетки на путь от сохи до трактора. А потом еще столько же – от трактора до атомной бомбы и космических ракет.

Император покрутил головой, ослабляя тугий стоячий воротник, удавкой охватывающий его могучую шею.

– А вы уверены, Виктор Сергеевич?

– Я уверен в том, что, если цель выбрана правильно, и народ поймет, для чего нужны его титанические усилия, то можно горы свернуть с таким народом! В двадцать четвертом году грядущего столетия Советская Россия, разоренная шестилетней изнурительной войной, находилась даже в худшем состоянии, чем нынешняя Российская империя. Основой хозяйства были все те же соха и изнуренная коняшка, а русский мужик был даже еще больше измучен и разорен. Господа, ведь тот вождь России, сын грузинского сапожника и недоучившийся семинарист, сумел сделать нашу страну могучей сверхдержавой. А сейчас у нас гораздо лучшие стартовые условия. Он двигался наощупь, совершал ошибки, которые дорого обходились стране, а у нас сейчас есть как его опыт, так и опыт последующих за ним поколений. Мы не находимся в экономической блокаде, в которой находилось то государство, и на нас не висит тяжким грузом обет предыдущего вождя построить коммунизм для всего человечества. Мы никому ничем не обязаны. Мы лишь в долгу перед своим собственным народом, и несем пер-

сональную ответственность за его будущее. Мы не можем не победить: русские – это народ победителей, и эту мысль необходимо внушать всем.

– Прекрасно сказано, Виктор Сергеевич! – воскликнул император. – Теперь, чтобы воплотить эти слова в жизнь, мы поступим следующим образом... Господин Бунге, Путилов, Менделеев, и вы, князь Хилков – я поручаю вам создать при моей монаршей особе особый научно-экономический комитет, задачей которого будет разработка первого пятилетнего плана развития Российской Империи. На вас, господа, вся экономика. Что же касается составления планов перевооружения армии, создания имперской службы безопасности, русского телеграфно-информационного агентства, а также некоторых других проектов, то все это будет проходить уже под нашим совместным с господином Ларионовым чутким руководством. На этом объявляю наше заседание закрытым. Минни с детьми уже, наверное, заждалась нас с Виктором Сергеевичем к утреннему чаю. Приглашаю и вас, господа, составить нам компанию.

02 сентября (21 августа) 1877 года. Утро. Поезд-экспресс Константинополь-Вена.

Борец за свободу и революционер Джон Девой.

За последние годы сколько времени я провел на колесах... То Нью-Йорк, то Мемфис, то Вашингтон, то Новый Орлеан, то Бостон, то Чикаго. А между ними – поезда, поезда, пароходы, потом снова поезда. Как они мне надоели... Так вся моя жизнь и пройдет в пути.

И вот я снова сижу в купе поезда Константинополь-Вена. Уже давно пропали из виду перрон Константинопольского вокзала и стоящие на нем господин Тамбовцев и другие югороссы, пришедшие проводить нас. Уже проплыл за окнами вагона и сам Царьград-Константинополь. Исчезли вдали его церкви и мечети, его дворцы и трущобы, восточные базары и древние развалины...

Теперь мы проезжали освещенные нежным утренним солнцем то поля, то сады, то коричневые холмы, то пиниевые леса. Все это столь непохоже на мою родную Ирландию – с ее зелеными холмами, величественными, широкими реками, вековыми дубовыми рощами... «Зеленый Эрин» – так поэтически в прошлом называли мою родину европейские народы.

Перед отъездом я зашел в собор Святой Софии, один из самых древних христианских храмов в Европе, и истово помолился перед древними фресками за успех нашего предприятия. Этот храм – живое напоминание о тех времена, когда католики и православные были едины в своей вере, и их не разделяли никакие церковные догматы.

Но главное было в том, что я ехал в Вену не один. Мой спутник выглядел как настоящий ирландец – зеленоглазый, рыжеволосый, с веснушками на лице. Если б его звали О'Доннелл или О'Малли, никто бы не удивился. Но Виктор Брюсов был по национальности русским, хотя и восходил по происхождению к тому самому Эдуарду Брюсу, последнему Верховному Королю Ирландии, правившему нами еще в четырнадцатом веке. Он был младшим братом знаменитого короля Шотландии Роберта Брюса. Эдуард Брюс восемнадцать раз разбивал в сражениях англичан, но в несчастной для него битве на Фогхартских холмах потерпел поражение. Англичане не только убили его, но и поглумились над телом нашего короля. Его четвертовали, а голову отослали в Лондон, на потеху британской черни.

Неисповедимы пути Господни – если в Ирландии этот род со временем пресекался, тот в далекой России сохранился и дал достойное потомство.

В те далекие времена Ирландия состояла из целого ряда королевств – одно время их на острове было аж пятьдесят два. И короли все время воевали друг с другом. Некогда богатые земли становились пустынными, монастыри – центры нашей науки и культуры – разрушались или приходили в запустение. И, конечно же, верховных королей после Эдуарда Брюса больше не выбирали. Хотя некоторые короли время от времени и претендовали на этот титул, единой власти не было, и Ирландия постепенно приходила в упадок. Тем временем сначала викинги, а

потом и англичане шаг за шагом расширяли захваченный ими район Дублина, пока вся Ирландия не попала под их власть в семнадцатом веке.

Именно тогда, где-то в конце семнадцатого века, один из потомков верховного короля Эдуарда Брюса, спасаясь от преследования англичан, приехал в Россию и поступил на службу к русским царям. Его потомки со временем обрусели и из Брюсов превратились в Брюсовых. И вот, возможно, последний из Брюсовых сидит здесь, передо мной, и старательно учит язык моих предков. Книги по истории Ирландии, а также один экземпляр учебника гэльского языка, каким-то чудом нашлись в судовой библиотеке «Адмирала Кузнецова», где Виктор еще совсем недавно служил корабельным офицером в чине капитан-лейтенанта. Увы, если нашу древнюю и новую историю я и знаю довольно хорошо, то с языком ему практически ничем помочь не смогу. Дело в том, что разговорным языком образованных ирландцев давно уже является английский, и по-гэльски я говорю очень плохо; подозреваю, что, если Виктор осилит учебник, то его познания в нашем родном языке будут многократно превосходить мои.

С Виктором меня познакомил сам канцлер Александр Тамбовцев, сказав, что тот происходит из рода короля Эдуарда Брюса. Сначала я относился к этой информации с настороженностью и недоверием, но познакомившись с Виктором, переменял свое мнение. Его ирландская внешность и ирландская же способность выпить огромное количество любого алкоголя, при этом оставаясь трезвым, сумели рассеять мои подозрения. И тогда у меня вдруг возникла идея – почему бы не сделать Виктора нашим новым королем, если уж русский император настаивает на том, что нам непременно нужен свой монарх?

Ирландские и американские фении для этого не подходят – тех из них, в чьих жилах течет (или якобы течет) королевская кровь, на самом деле немало. Но если одного из них сделать нашим монархом, то остальные претенденты возмутятся, начнутся ссоры и междоусобицы, вплоть до гражданской войны. А если за спиной пришедшего со стороны нового короля будут маячить два самых могущественнейших государства планеты... А если именно они помогут нам отвоевать свою свободу, то проблем в молодом государстве, скорее всего, не будет.

А ведь похожая идея уже неоднократно обсуждалась в кругах наиболее монархически настроенных фениев. Вот только монарха предполагалось приглашать из Германии – там живет огромное количество королей, у которых, конечно, больше нет никакой реальной власти, зато есть титул и заслуживающая уважение родословная.

Мне эта идея никогда не нравилась – какой смысл приглашать чужого короля, у которого нет ни капли ирландской крови? Конечно, у русских императоров, как я слышал, кровь в основном немецкая. Но предок их по мужской линии – русский король Петр, который позднее принял титул императора и царствовал у них в начале восемнадцатого века, сделав Россию одним из самых сильных государств Европы.

Так что, несмотря на немецкую кровь, они остались русскими. А немец, пусть он трижды король, все-таки немец – из другой культуры и без какой-либо исторической связи с нашей землей. Тем более что Германия не собирается и палец о палец ударить ради нашей свободы. Зачем немцам сражаться и умирать за какую-то Ирландию? Да они нам ломаного пфеннига не подадут, не то что пушки или винтовки. Именно поэтому я всегда придерживался республиканских взглядов и был противником монархии.

А вот русские – совсем другие. Если они предоставят нам всю необходимую помощь... А наш новый король будет потомком не только Эдуарда Брюса, но и прапрадеда последнего короля Эйре Бриана Бора, одного из величайших королей всей Ирландии. Вот тогда мы, возможно, получим ту самую фигуру, вокруг которой можно будет объединить всю Ирландию, без разделения на образованных горожан и неграмотных поселян, а также без различия клановой принадлежности.

Когда я поделился своей идеей с югоросским канцлером, тот подумал и сказал:

– Знаете, Джон, это интересно. А как вы думаете, остальные ваши соратники согласятся на такой ход?

– Не знаю, – ответил я, – но думаю, что да. Особенно если мы освободим Ирландию, сражаясь под его знаменами.

– Или тем более под его личным командованием... – задумчиво сказал канцлер. – Ладно, Джон, посмотрим.

Виктор, однако, сначала принял эту идею, как говорят русские, в штыки.

– Джон, да какой я нахрен ирландский король? Я русский! Понимаешь? – недовольно сказал он. – Мало ли что мой предок когда-то был вашим королем – это было так давно, что уже никто и не скажет, что это было на самом деле...

Однако после моих длительных уговоров и, самое главное, после одного продолжительного разговора с канцлером Тамбовцевым, Виктор все-таки согласился возглавить нашу борьбу и сесть после победы над англичанами на ирландский трон. Причем, судя по его словам, приказ поступил с самого верха, где ему было сказано: «Надо, Федя, надо!» Причём тут какой-то Федя, я так и не понял.

Виктор захлопнул учебник, взял в руки гитару и запел что-то грустное, берущее за душу: «И вот опять вагоны, перегоны, перегоны, и стыки рельс отсчитывают путь...». Так он перевел с русского на английский исполняемую им песню.

Да, поет он хорошо – что тоже немаловажно для ирландца. Конечно, гитара – не арфа, но и на ней можно наигрывать жигу или рил. Дорога нам предстоит неблизкая, попробую научить его ирландским песням; будущий ирландский король обязан знать музыку своей страны.

И тут я вдруг подумал, что ведь еще совсем недавно ирландская независимость для меня была чем-то вроде надежды на Царствие Небесное – я верил, что оно придет, но будет это нескоро, и я до этого счастливого времени не доживу.

Теперь же я уверен в том, что Ирландия уже в следующем году станет свободной, и возблагодарил Господа за то, что он послал нам этих безбашенных русских. Мы, ирландцы, совершенно такие же, и если я смогу хоть как-нибудь повлиять на это, то Ирландия всегда будет лучшим другом России. Мы, ирландцы, умеем помнить добро.

3 сентября (22 августа) 1877 года. Утро. Константинополь. Кабинет канцлера Югороссии.

Тамбовцев Александр Васильевич.

Сегодня на прием у меня записан статский советник Илья Николаевич Ульянов. Недавно я пригласил его в Константинополь, предложив пост министра просвещения Югороссии. И я очень рад, что обремененный большой семьей Илья Николаевич все же решил приехать по моему приглашению. Хотя, как доложили мне с таможни, прибыл он сюда пока что один. Видимо, семью в дальнюю дорогу брать он пока не рискнул. В общем, с его стороны это вполне правильное решение.

Моя секретарша позвонила мне из приемной и сказала, что господин Ульянов уже там и ждет моего приглашения.

– Пусть войдет, Дашенька, – ответил я. – И принесите нам чаю.

Внешне Илья Николаевич был очень похож на фотографии, которые мне приходилось встречать в книгах, посвященных его знаменитому сыну. По чуть скуластому лицу и характерному разрезу глаз можно было сделать вывод о его восточных корнях. Я вспомнил, что предки Ильи Николаевича по материнской линии происходили от крещеных калмыков. Но, как бы то ни было, Илья Николаевич – стопроцентный русский. Русский – это не национальность, русский – это состояние души.

– Добрый день, Илья Николаевич, – вежливо поздоровался я со своим гостем и представился: – Тамбовцев Александр Васильевич, к вашим услугам. А должность мою вы, наверное, уже знаете.

– Да, Александр Васильевич, знаю, – живо ответил он. – Скажу сразу: приехал я сюда потому, что меня больше всего заинтересовало ваше предложение о введении в Югороссии всеобщего начального образования. Я здесь уже второй день, немного осмотрелся, и понял, что задача эта будет архисложная...

– Согласен, – кивнул я. – Но при этом она еще и архиважная.

– Разумеется, – ответил Ульянов, – но ведь у вас здесь просто вавилонское столпотворение. Тут и русские, и болгары, и греки, и турки. Это я перечислил только тех, кто населяет Югороссию в значительных количествах. И как тут проводить обучение, если даже не знаешь, на каком языке его проводить?

– Вы правы, Илья Николаевич, – ответил я, – все обстоит именно так, как вы говорите. Только деваться нам некуда – население наше должно уметь хотя бы для начала читать и писать. Разумеется, в большей своей части по-русски. Впрочем, и местные языки не будут забыты. Но общегосударственный язык у нас русский. Ведь после трагических событий, что произошли здесь совсем недавно, согласитесь, трудно заставить турка и болгарина общаться друг с другом на их родных языках. А русский язык нивелирует всю их прежнюю вражду, хотя забудется она не скоро. Впрочем, поживем – увидим.

Тут Дашенька вкатила в кабинет столик с двумя пиалами и горкой восточных сладостей. Потом она принесла горячий чайник с заваркой. Улыбнувшись, длинноногая красавица разлила чай по пиалам. Одурающе запахло лимоном и еще чем-то неуловимо восточным.

Илья Николаевич, по жизни прекрасный семьянин и верный муж, с удивлением и восхищением посмотрел на мою секретаршу, но воздержался от комплиментов и комментариев.

Я усмехнулся. Да, для большинства приезжих «с Большой земли» вид наших девушек – как выстрел картечи в упор. Такое в Европе будет еще не скоро. Впрочем, возможно, под нашим влиянием эмансипация женщин там произойдет гораздо раньше, чем в реальной истории.

Но, как поется в песне наших времен, «первым делом самолеты»...

– Илья Николаевич, – сказал я, – сейчас мне хотелось бы поговорить с вами об образовании, массовом всеобщем и начальном... Наступили времена, когда неграмотный человек уже не может рассчитывать на достойное место в обществе. Так что министерство, которое вам предстоит создать...

– Создать? – удивленно переспросил мой собеседник.

– Да-да, именно создать, ведь вашего министерства пока еще не существует, – «утешил» я его, – и вам придется все начинать с нуля. Что же вы хотите – наша Югороссия существует всего три месяца, и все это время она почти непрерывно воевала. Но пришло время заняться и народным образованием. Конечно, вы получите от нас всю возможную помощь, начиная от денег и кончая кадрами, которые составят костяк вашего министерства. Не буду скрывать, что позже, на основании вашего опыта император Александр III развернет в Российской империи похожую программу... Проблемы у Большой России почти такие же, как и у Югороссии, а вот масштаб неизмеримо больше.

– Да? – удивился Илья Николаевич, – абсолютно не представляю сходства вашей многоязычной Югороссии и Российской империи...

– Сходство имеется, – сказал я, – ведь в России проживает около двух сотен различных народностей, включая и те, чьи языки считаются изолированными и не похожими ни на какие другие. Да и местные говоры великороссов зачастую настолько различны, что архангелогородский помор порой плохо понимает речь уральского казака. Все это придется приводить к общему знаменателю – литературному русскому языку, при этом бережно сохраняя местные

языки и диалекты. Единство в многообразии. Ну, до России еще не скоро руки дойдут, а пока давайте поговорим о Югории... – Я вздохнул. – А начать вам, Илья Николаевич, придется с Ликбеза...

– Простите, не понял – с чего начать? – изумленно переспросил Ульянов.

– Ликбез означает ликвидацию безграмотности всего населения, – пояснил я. – Он и должен стать первой ступенькой к всеобщему начальному образованию. А потом и к всеобщему среднему...

– Любопытно-любопытно... – пробормотал удивленный и немного заинтригованный господин Ульянов, – и как же вы намерены преодолеть эту первую ступень? – Заметив мой укоризненный взгляд, он поспешно извинился: – Простите, Александр Васильевич, я хотел сказать – как же МЫ собираемся это сделать?

«Вот и отлично, – подумал я, – кажется, господин Ульянов клюнул и загорелся энтузиазмом. Теперь надо рассказать ему о плане, который был задуман его сыном, и воплощен в жизнь Сталиным...»

– Так вот, Илья Николаевич, – начал я, – Ликбез должен начаться с агитации. Да-да, именно с агитации. Надо везде пропагандировать пользу грамотности, рассказывать всем, что только наличие образования позволит детям тех, кто даже не мечтает вывести их в люди, добиться такого места в жизни, которые они никогда бы не получили, будучи неграмотными. Надо агитировать с помощью плакатов, печатного слова, общественного мнения. Впрочем, как я уже успел убедиться, большинство простого народа все понимает правильно, и долго преимущество грамотности им доказывать не придется. Далее: в каждом населенном пункте, где неграмотных свыше пятнадцати, нужно будет организовать «школу грамоты». Срок обучения в такой школе, по нашим расчетам, будет составлять от трех до четырех месяцев. Программа обучения будет включать чтение, письмо и счет. По мере обучения будут вводиться дополнительные занятия с целью научить читать ясный печатный и письменный шрифты; делать краткие записи, необходимые в жизни и в работе; читать и записывать целые и дробные числа, проценты, разбираться в диаграммах и схемах... Да, я забыл вам сказать, что учиться в этих «школах грамотности» не только дети, но и взрослые.

– Взрослые? – воскликнул удивленно Илья Николаевич. – А будет ли у них желание учиться? Ведь они работать, зарабатывать на пропитание своей семьи... Да и время для занятий они вряд ли найдут.

– Мы сделаем так, чтобы для взрослых учащихся сокращали рабочий день с сохранением заработной платы, – сказал я. – А тем, кто работает индивидуально, мы будем выплачивать пособие. Ну и, конечно, «школы грамотности» будут снабжаться за счет государства учебными пособиями и письменными принадлежностями.

– Да, но где же мы найдем требуемое количество учебников, письменных принадлежностей, а главное, преподавателей? – воскликнул Илья Николаевич. – Задача, которую мы намерены разрешить – грандиозная, благородная, но, как мне кажется, неразрешимая...

– Извините, – ответил я, – но я вам и не обещал, что сия, как вы правильно сказали, грандиозная и благородная задача будет решаться в течение одного года. К тому же потребуются определенный подготовительный период. И тут нам понадобятся ваши знания и ваш опыт педагога, Илья Николаевич. Нужно будет составить программу для «школ грамотности», подготовить методическую литературу для будущих преподавателей – а их действительно потребуется много. Придется привлекать для работы в «школах грамотности» всех мало-мальски образованных людей. Кроме того, вам надо будет написать учебники для занятий по русскому языку, а также арифметике. Кроме того, красочно их оформить, чтобы детишки, да и взрослые тоже, с интересом учились, лучше запоминали материал. А для изготовления учебников и учебных пособий мы найдем лучшие типографии, которые напечатают их. И только когда будут все готово, мы и приступим к выполнению задачи по ликвидации неграмотности. Ну,

как вам такая перспектива? – спросил я у своего визави, слушавшего меня, что называется, открыв рот от изумления.

– Да, Александр Васильевич... – Ульянов покачал головой, – умеете вы удивлять своих собеседников. Конечно, как практик и педагог со стажем, скажу вам, что трудностей будет очень много. Но зато какой размах, какое поле для дальнейшей работы! Вы ведь, как я понял, на этом не остановитесь?

– Не остановимся, Илья Николаевич, – смеясь, ответил я, – мы, югороссы, все время совершаем одно невозможное дело за другим. И пока у нас все получается. Думаю, что и в этот раз получится... Надеюсь, вы не передумали, и не откажетесь взяться за ликвидацию у нас безграмотности? Как я уже говорил, впоследствии это послужит отличным примером для руководства России и ваших тамошних коллег.

– Нет, Александр Васильевич, не откажусь, – сказал Илья Николаевич. – Я почему-то уверен, что нам удастся превратить Югорию в страну, где все поголовно будут уметь читать и писать. А если Бог даст мне сил и здоровья, то и нашу Матушку-Россию тоже...

4 сентября (23 августа) 1877 года. Утро. Санкт-Петербург. Гатчинский дворец. Контр-адмирал Ларионов Виктор Сергеевич.

Штабс-капитан Сергей Иванович Мосин – человек, имя которого золотыми буквами вписано в историю оружейного дела. Его трехлинейная русская магазинная винтовка образца 1891 года в свое время не только на несколько лет опередила всех возможных немецких, американских и британских конкурентов, но и стала лучшим из всех видов несамозарядных винтовок, исходя из таких показателей, как надежность конструкции, кучность огня и останавливающее действие пули.

Перед тем как пригласить этого человека, у нас состоялся длительный и обстоятельный разговор с императором Александром III, в котором так же приняли участие в качестве экспертов сопровождавшие меня в этой поездке старший лейтенант ГРУ Бесоев и старший лейтенант морской пехоты Сеницын. Ну какой из меня, адмирала, эксперт по стрелковому оружию? Как моряк, я совершенно не воспринимаю всерьез калибр меньше ста миллиметров и вес конструкции менее полутора тонн. А вот два наших молодых офицера вполне могли осветить вопрос об оружии пехотинца, каждый со своей стороны. Ведь спецназ – это спецназ, а пехота, пусть даже и морская – это все-таки пехота.

Дело в том, что еще до начала войны русская армия отчаянно нуждалась в замене оружия пехоты на магазинную винтовку уменьшенного калибра, в связи с чем наступил период так называемой «ружейной чехарды», когда чуть ли не каждый год на вооружение принимался новый образец. Закончилось все это принятием на вооружение той самой винтовки Мосина, которая производилась в России с 1891 по 1944 год, когда на смену ей пришел самозарядный карабин Симонова, а потом и автомат Калашникова.

Но, кроме плюсов, у этой винтовки имелись и минусы. Точнее, не у нее, а у связанного с ней русского трехлинейного патрона образца 1891-1908 годов. Недостаток заключался в наличии закраины, осложнявшей использование этого патрона в автоматическом оружии. К примеру, датский пулемет Мадсена, прадедушка всех ручных пулеметов, с патронами всех типов имеющих кольцевую проточку работал нормально и серийно выпускался с 1903-го по 1955-год. А вот с русским патроном с закраиной работать отказался сразу и наотрез. Задержки, поломки, перекосы патрона, заклинивание механизма... В результате двести пулеметов Мадсена, закупленных на пробу для пограничной стражи, в конце концов так и остались на складе. А ведь машинка была удачная – последний модернизированный образец этого ручного пулемета состоял на вооружении бразильской жандармерии аж до 80-х годов XX века.

Мнение обоих наших молодых экспертов было однозначно – от закраины на гильзе надо избавляться. Кроме того, пуля сразу должна быть облегченной, оживальной формы, чтобы не заморачиваться потом с переделкой патронников.

Кроме прочих технических вопросов, на повестке дня остался один, и самый важный: как сделать так, чтобы при массовом производстве сама конструкция новой винтовки, превосходящей местные образцы, не утекла в распоряжение наших заклятых друзей, соперников и конкурентов. Ведь Россия в силу своей промышленной слабости не сможет обогнать в скорости перевооружения ту же Австро-Венгрию, Британию или Францию. Да и своему союзнику, Германии, нам тоже совершенно незачем показывать свою слабость. Нужно и перевооружение провести, и секретов конкурентам не выдать.

Винтовка Мосина была всем хороша, но с точки зрения дальнейшего развития оружейного дела являлась тупиковой ветвью эволюции пехотного оружия. Автомат Калашникова же, или самозарядная винтовка на его базе, на данном уровне развития производства просто неисполнимы технически. Кроме того, возросшая скорострельность винтовки, без изменения тактики боя, несет в себе еще одну неприятную особенность.

Из-за возросшего расхода боеприпасов в самый критический момент войска могут оказаться безоружными. Необходимо строжайше запретить стрельбу залпами в направлении противника, а вместо этого распространить на всю пехоту егерский одиночный огонь с прицеливанием по индивидуальной мишени. Егеря же, получив еще более дальнобойные винтовки с кучным боем и оптическими или диоптрическими прицелами, перейдут в разряд снайперов. Оружие и тактика на поле боя должны идти рука об руку. А ведь это означает большой расход боеприпасов в мирное время для обучения солдата прицельной стрельбе. Пожалуй, необходимо заказать капитану Мосину еще и мелкокалиберную учебную винтовку, с баллистикой, схожей с основным оружием армии, но стреляющую более компактными и дешевыми боеприпасами – к примеру, калибра 5,45 мм или 6,5 мм. С таким расчетом, чтобы облегченный учебный патрон в дальнейшем можно было бы использовать как боеприпас для автоматического оружия.

Обсуждение этого вопроса вчера затянулось до самого вечера. Ведь, прежде чем ставить задачу перед конструктором, император Александр III старался досконально разобраться в ней сам.

Для наглядного примера в кабинет принесли один АКС-74 – царь пожелал сам собрать и разобрать оружие из будущего. Пару раз проделав все манипуляции и собрав автомат (причем второй раз вполне уверенно), император покрутил в руках магазин, прицелкнул его к ствольной коробке, передернул затвор и подошел к открытому окну. Негромко треснул выстрел – и одна из ворон, устроившихся на ночлег в кронах парковых деревьев, под оглушительное карканье своих товарок, камнем свалилась вниз.

Удовлетворенно хмыкнув, Александр Александрович начал выискивать, во что бы ему выпалить еще, но тут в коридоре раздались легкие шаги, дверь распахнулась, и на пороге появилась встревоженная императрица Мария Федоровна. При виде своей дражайшей половины у императора на лице появилось виноватое выражение, словно у напроказившего ребенка. Он попытался спрятать автомат за спину. Убедившись, что все в комнате живы и здоровы, императрица обвела нас строгим взглядом, вздохнула: дескать, мужчины даже с усами и бородами – все равно большие дети, только игрушки у них побольше и поопасней. Потом она тихо удалилась, закрыв за собой двери.

Когда супруга ушла, император положил автомат на стол, и, заговорщицки подмигнув нам, резюмировал:

– Мда-с, господа, просто, надежно и убойно. – Потом он повернулся к старшему лейтенанту Бесоеву и сказал: – Так значит, вы, господин старший лейтенант, настаиваете на том, чтобы эта конструкция была взята нами за основу?

– Именно так, – кивнул спецназовец, – тут самое главное затворная рама с затвором и возвратной пружиной, а также отъемный магазин. В дальнейшем, при переходе на самозарядную винтовку и автомат, не придется полностью перестраивать все производство. Кстати, даже в несамозарядном варианте скорострельность будет выше, поскольку оттянуть назад затворную раму проще, чем передергивать поворотный затвор. Тем более что пока возвратная пружина при обратном ходе затвора сама взводит оружие, рука стрелка уже возвращается на спусковой крючок, а глаз снова целится. Кроме того, все детали сделаны с большими допусками и движутся свободно. В боевых условиях такое оружие не выходит из строя даже в случае падения в жидкую грязь. Достаточно поднять оружие из лужи, отряхнуть – и снова можно стрелять. В случае такого конфуза, уже потом, после боя, главное – не забыть произвести полную разборку, чистку и смазку оружия. А пока вокруг свистят пули, оно солдата не подведет. Все дело только в технологии производства. А штабс-капитан Мосин, которого вам порекомендовал товарищ адмирал, именно в этом вопросе сейчас лучший из лучших. Если он не сможет повторить конструкцию, тогда этого не может никто.

– Пусть будет так, – подвел итог император Александр III и обвел всех нас взглядом. Потом еще раз посмотрел на лежащий на столе автомат. – Попробуем сделать по-вашему. Я распорядюсь немедленно телеграфировать в Тулу, дабы вызвать штабс-капитана Мосина сюда. Тогда и поговорим. Скажем так, через неделю или десять дней.

4 сентября (21 августа) 1877 года. Константинополь.

Джордж Генри Бокер, специальный посланник президента САСШ Рутерфорда Бирчарда Хейса.

Итак, я вернулся в Константинополь – бывшую столицу Оттоманской Порты, куда президент Грант назначил меня в 1871 году послом Соединённых Североамериканских Штатов. До сих пор помню, как я впервые попал в этот город, и каким он тогда казался мне загадочным и прекрасным – этакая мозаика древних развалин, византийских и оттоманских древностей, мечетей и церквей, районов, населённых турками, греками, армянами...

Но постепенно моё первоначальное изумление и восторг стали сменяться разочарованием. Поначалу меня поразила местная грязь. А потом я понял, что на обещания местных чиновников невозможно положиться. Подучив немного турецкий язык, я с удивлением понял, что переводчики меня обманывали – как на рынках, где они договаривались с торговцами о завышенных ценах, часть которых шла «откатом» в их карманы, так и в переговорах с местными политиками – они переводили так, чтобы сказанное понравилось и мне, и моим собеседникам. И иногда и я, и мои партнеры по переговорам пребывали в полной уверенности, что мы добились искомого результата – хотя на самом деле наше понимание того, о чем мы договорились, было прямо противоположным. И еще меня раздражала велеречивость турок и то, что людям с определенным социальным статусом, к которым принадлежал американский посол, никто не скажет «нет» в лицо. Кстати, тем, кто был ниже чиновников по социальному статусу, жилось несладко. Особенно это касалось местных христиан. Дело даже не в том, что им приходилось платить специальный налог. Грабеж, изнасилования, даже убийства их были в порядке вещей.

Так что когда президент Грант перевел меня в Петербург два года назад, это стало лучшим для меня подарком. Да, и в России есть свои проблемы, но в Петербург я влюбился с первого взгляда. Такого красивого города я не видел нигде. И если турки были совсем чужими мне людьми, то русские оказались близки мне по духу, а русская литература, даже в переводе, меня как поэта и писателя поразила. Кроме того, у меня сложились весьма доверительные отношения не только с императором Александром II, с наследником престола, с другими людьми из высшего света, но и с писателями, художниками, музыкантами, да и просто людьми, окружавшими меня.

Увы, в конце прошлого года состоялись выборы, и в начале этого года президент Грант покинул свой пост. Я знаю, что Гранта все обзывают пьяницей и дураком. Что ж, пьет он действительно много, да слишком мало времени уделяет своим обязанностям. Но одного ему не занимать: именно он хотел укрепить отношения с европейскими державами.

Выборы 1876 года, казалось, выиграл Сэмюель Тильден, но в результате подковерных интриг в Коллегии выборщиков президентом в начале этого года стал Рутерфорд Хейс. Он меня давно недолюбливал, и потому я каждый день проверял, не пришла ли телеграмма о моей отставке. Но, как ни странно, если что и приходило из Вашингтона, то это были указания мелких клерков – похоже, российское направление никого в Америке не интересовало, и обо мне попросту забыли.

Но когда в Эгейском море неожиданно появилась русская эскадра, захватила Константинополь и пленила султана, события на русском направлении стали развиваться с бешеной скоростью. Вот так бывает: засыпаешь в одном мире, тихом и размеренно, а просыпаешься совершенно в другом, кипящем событиями и буйном, словно Бедлам.

Как ни странно, первые месяцы ко мне никто не обращался. И только две недели назад на мое имя в посольство пришла телеграмма от государственного секретаря Уильяма Эвертса. Мистер Эвертс предписывал мне немедленно забросить все дела в Петербурге и отправиться в Константинополь, чтобы проверить, в каком там состоянии переговоры, которые ведет там бывший президент Грант. Мне было поручено, в зависимости от сложившейся ситуации, самому провести переговоры с этим таинственным адмиралом Ларионовым и его канцлером Тамбовцевым.

Конечно, мне не очень хотелось покидать тихий и уютный Петербург, ставший моим вторым домом. Но что поделаешь – такова судьба дипломата. К тому же, в отличие от многих моих иностранных коллег, мне не приходилось жаловаться на отношение к моему государству русских властей. Суровый взгляд нового русского монарха, резкое мужицкое слово – и вот уже австрийский император в Вене или французский президент в Париже ведрами пьют валерьянку, чтобы избавиться от кошмара: русских полков, марширующих в их страны. В отношении меня ничего подобного не было. Ведь, в отличие от Австро-Венгрии, Франции или той же Британии, Соединенные Североамериканские штаты поддерживали с Российской империей неизменно дружеские отношения. Тогда, отправляясь в Константинополь, я, наивный, даже не предполагал, что все может быть иначе. Тогда я считал абсолютно лишним смысла возможный конфликт двух крупнейших держав мира, расположенных по разные стороны Земли и не имеющих никаких взаимно пересекающихся интересов. Тогда я считал, что мы, североамериканцы, живем на своей половине мира, русские на своей, и нам абсолютно нечего делить. Примерно с таким радостным настроением я и отправился в путь.

Два дня назад мой поезд прибыл в Одессу, а вчера вечером я спустился с борта большого белого пакетбота на причал в бухте Золотой рог. Первое, что мне бросилось в глаза, это были кресты – на Святой Софии, на Святой Ирине и на других зданиях, которые турки в своё время превратили в мечети.

Серая громада крейсера «Москва», как напоминание о том, кто в доме хозяин, застыла на якоре напротив бывшего султанского дворца. На набережной царил образцовый порядок, стояли на своих местах городовые, фланировали гуляющие пары и отсутствовал какой-либо мусор. Зрелище, представляющее разительный контраст с той картиной, что я видел во время моего первого приезда в этот город.

На набережной меня встретил почетный караул в непривычной для меня зеленой пятнистой форме. Возглавлял его молоденький офицер с глазами старого вояки. После обязательного в таких случаях ритуала ко мне подошел седобородый человек в полувоенном костюме без знаков различия и с дружелюбной улыбкой крепко пожал мне руку.

– Добро пожаловать в Константинополь, мистер Бокер! – сказал он. – Меня зовут Александр Васильевич Тамбовцев, и я имею честь быть канцлером Югославии. Увы, мистер Бокер, американский консул отбыл из Константинополя после занятия нами Константинополя и захвата султана, и более не возвращался. Мы даже и не знаем, что его так напугало. Со зданием консульства ничего не случилось, оно находится в целости и сохранности. Если хотите, мы можем сопроводить вас туда. Просто нужно какое-то время, чтобы заново нанять прислугу и убрать мусор, накопившийся в здании за последние три месяца. Немного ознакомившись с нынешней обстановкой, вы сможете лично убедиться, что в Константинополе стало безопасно жить. Сейчас же мы предлагаем вам разместиться во дворце Долмабахче – там, где уже находится ваша делегация во главе с бывшим президентом Грантом. Там же будет удобнее встречаться и нам с вами. А в консульство или в город вы сможете съездить в любое удобное для вас время – вам стоит об этом лишь попросить.

– Благодарю вас, мистер Тамбовцев, я буду вам очень признателен, – коротко ответил я.

После этого небольшого, но содержательного разговора мы с мистером Тамбовцевым сели на катер и полетели – да, именно полетели: я никогда еще не видел корабля, который передвигался бы с такой скоростью на другой берег Золотого Рога. У тамошнего пирса нас ждал еще один почетный караул, на этот раз одетый в греческую национальную одежду. Мы прошли во дворец, где у входа две очаровательные смуглые молодые женщины, распорядившиеся слугами, переносившими мой багаж, показали мне выделенные для меня весьма красиво обставленные апартаменты.

Когда формальности были закончены, канцлер сказал:

– Мистер Бокер, вы, наверное, желаете немедленно встретиться с членами вашей делегации и лично с экс-президентом Грантом. Вас к ним сейчас проведут. – Он сделал паузу, как будто обдумывал что-то. – Ну, а потом, если вы пожелаете, мы сможем вместе отужинать и обменяться мнениями. Передайте мистеру Гранту, что, если он пожелает, то тоже может принять участие в этом мероприятии – впрочем, это, мистер Бокер, на ваше личное усмотрение...

Недоумевая, что же могут означать последние загадочные слова канцлера Тамбовцева, я пожал ему на прощание руку, после чего меня отвели к президенту.

Я ожидал всего, что угодно, но не этого. За длинным столом сидел Грант и его люди; несмотря на довольно раннее время, в комнате разило алкоголем так, что любая филадельфийская таверна (а мой родной город славится ими) позеленела бы от зависти. На столе громоздились более дюжины бутылок, на полу – еще четыре пустых. С другой стороны стола сидели несколько русских, но они как ни странно, не выглядели пьяными, чего нельзя было сказать о нашей «делегации».

– Хо, Бокер! – закричал президент Грант, увидев меня. – Вот так встреча! Какими судьбами, старина? Добро пожаловать на наши переговоры, ха-ха!

Он схватил стакан, налил его до краев, сунул мне в руку и закричал по-русски, но с диким акцентом:

– Пиэй доу дэна! Пиэй доу дэна!

Похоже, это была единственная фраза, которую он выучил за время своего пребывания здесь. Один из русских незаметно кивнул мне на пожелтевшее дерево в кадке, и я, делая вид, что опрокидываю стакан, украдкой полил это несчастное растение. Я попробовал спросить у Гранта, что же происходит, но тот, похоже, уже «поплыл».

– Слушай, Бокер, не будь таким занудой! – воскликнул он в ответ на мой осторожный вопрос. – Садись с нами, выпьем, поговорим!

Я каким-то чудесным образом сумел выпить очень мало. Но вот бедному дереву в кадке досталось явно больше, чем мне. Интересно, в растительном царстве бывают свои алкоголики?

При этом все мои попытки хоть как-то разговорить Гранта кончались примерно такими словами последнего: «Я ж тебе говорил, не будь таким занудой! Все идет по плану. Скоро будет

договор! А о чем, я тебе расскажу, когда мы его подпишем. Мало ли что там говорит Хейс – никуда этот договор от нас не убежит!»

Пользуясь моментом, я сумел-таки незаметно прошмыгнуть обратно в коридор, где ожидавший там слуга проводил меня обратно в мои апартаменты.

Прощаясь, слуга сказал:

– Мистер Бокер, уже половина шестого, а канцлер прибудет за вами в шесть часов. Если вы хотите, я могу ему передать, что вы еще не готовы.

– Нет, любезный, я в порядке, – ответил я. – Просто мне надо переодеться – от моей одежды слишком уж разит спиртным, – и к шести часам я буду готов к встрече с канцлером Тамбовцевым.

Слуга кивнул.

– Мистер Бокер, если вы положите вашу одежду вот в эту корзину, то ее постирают, погладят и повесят вот в этот шкаф, пока вы будете ужинать с канцлером.

– Спасибо, любезный, – ответил я.

Через полчаса, когда часы на Галатской башне пробили шесть, в дверь постучали. На пороге стоял канцлер Тамбовцев собственной персоной.

В отличие от атмосферы попойки у экс-президента Гранта, в зале, в которую он меня провел, царил уют, на стенах висели очень красивые картины с видами моря, а стол был накрыт на двоих. За ужином меня угостили неплохим вином, а еда за ужином была простая, но весьма вкусная. Мне показалось, что, подобно античным грекам, югороссы находили красоту в строгости и простоте, когда несколько точных и скупых линий значат больше, чем тонны всяческой мишуры. Умение находить главное и добиваться его немаловажно для политика. И, как мне кажется, именно этим мастерством здесь, на берегах древнего Босфора, владеют в совершенстве.

После ужина мы переместились в соседнюю комнату, где мне были предложены коньяк и сигары, как и положено во время разговора двух джентльменов. Сам канцлер Тамбовцев, как оказалось, совершенно не курил, да и коньяка мы с ним выпили всего лишь по чуть-чуть.

Потом он посмотрел на меня и сказал:

– Теперь вы, мистер Бокер, видите, почему я сомневался в том, что президент Грант захочет присоединиться к нашей компании... Мне очень жаль, но у каждого свои недостатки.

– Господин канцлер, – ответил я, – во-первых, позвольте вам принести мои глубочайшие соболезнования по поводу смерти Его величества императора Александра Второго. Император был и моим другом, насколько возможна дружба между скромным послом и императором великой державы. И мне особенно больно от того, что убили его именно мои сограждане.

– Мистер Бокер, спасибо за ваши соболезнования, – ответил канцлер. – И мы не обвиняем в смерти императора вашу страну. Бандиты и наемники не имеют национальности. Те, кто это сделал, совершили убийство за деньги, причем деньги не американские. Преступники уже или мертвы, или арестованы нами. А вот заказчики пока еще живы и на свободе. Но это ненадолго, я уверяю вас. Мы, русские, всегда взыскиваем со своих должников, с некоторых – сторицей.

При словах о долгах мне стало немного неуютно. Наши скуперджи в конгрессе так ведь и не расплатились с русскими за Аляску. Да и за форт Росс, пусть та покупка и была совершена частным лицом, тоже остался должок. Взыскание таких долгов сторицей – это совершенно не то счастье, какое я могу себе представить.

– Господин канцлер, – ответил я, – наша страна очень хотела бы подружиться с Югоросией и договориться с ней. Мы считаем, что обе страны могут и должны между собой сотрудничать. Но, похоже, президент Грант так с вами ни о чем и не договорился...

– Мистер Бокер, – канцлер усмехнулся. – Увы, переговоры даже не начинались. Президенту Гранту очень понравились русская водка и болгарская ракия, а остальное его не особо интересует. Так что, если у вас есть полномочия, мы можем обсудить некоторые моменты,

которые могли бы заинтересовать и наше, и ваше правительство. Полагаю, что и у вас есть кое-какие наработки на эту тему. – Он передал мне сложенную вчетверо бумагу. – А вот здесь – некоторые пункты, которые могли бы заинтересовать нас. Если бы мы с вами могли встретиться, например, завтра за обедом и обсудить наши идеи, а также пожелания вашего правительства, то, я полагаю, мы могли бы достаточно быстро прийти к консенсусу. Кстати, у нас во дворце тоже есть телеграфная станция – вас туда проведут в любое время. Что если я вас заберу, скажем, в час дня?

– Благодарю вас, мистер канцлер, – ответил я, прощаясь. – Я буду вам весьма благодарен.

5 сентября (24 августа) 1877 года. Утро. Санта-Круз дас Флореш.

Адмирал Рафаэль Семмс.

– Дорогой Рафаэль, я очень рад вас снова видеть, – улыбаясь, сказал мне губернатор Западных Азор Антон де Альмада. Мы с ним сдружились еще тогда, когда, пятнадцать лет назад моя «Алабама» провела больше месяца в районе Западных Азор, уничтожив десять кораблей янки. Все корабли мы сожгли, предварительно высадив команду на Флореш. Я провел тогда достаточно много времени в компании губернатора. Антон неплохо владел английским языком – как раз настолько, чтобы мы прекрасно понимали друг друга. Вообще у Португалии и Англии – давние торговые отношения, частенько даже переходившие в союзнические, и потому на английском там говорят очень и очень многие. По счастью, сейчас особой англо-португальской любви на горизонте не наблюдалось, а посему наша миссия на Азорских островах находилась в полной безопасности.

– Дорогой Антон, – как джентльмен с джентльменом раскланялся я с губернатором де Альмада, – позвольте вам представить моего сына майора Оливера Семмса, а также нашего общего друга, офицера югоросской армии, капитана морской пехоты Сергея Рагуленко, героя захвата Константинополя и пленения султана!

Спускаясь на берег, я решил не брать с собой ни президента Дэвиса, ни генерала Форреста – в этом случае у губернатора могли возникнуть подозрения об истинных целях нашей миссии. А вот «капитан Слон», в его необычной парадной форме, смотрелся весьма импозантно – примерно как бык, наряженный во фрак.

– Господин Рагулье... – у Антона были трудности с произношением его фамилии. Ничего странного, в самом начале мне произносить ее было тоже затруднительно.

– Очень приятно видеть здесь представителя Югороссии, про которую уже ходит столько легенд. И вы, мистер Семмс, – де Альмада улыбнулся Оливеру, – добро пожаловать на наш маленький, затерянный в океане клочок земли! А что это за корабль, на котором вы пришли?

– О, Антон, – я взмахнул рукой, – это мой новый корабль «Алабама II». Тут такая история, что ты в нее и не поверишь. В общем, подарок от одного очень доброго друга.

– Британская постройка, если я не ошибаюсь, – прищурился де Альмада, – видно, Рафаэль, что это добротный корабль с хорошей командой, достойное новое воплощение той старой «Алабамы», на которой вы посетили наши края в те давние годы...

– Спасибо на добром слове, – сказал я. – На этот раз мы находимся в плавании с сугубо мирными целями, хотя я никому бы не посоветовал нас задевать. А сеньор Рагуленко тут с нами по делу.

Брови губернатора де Альмада вздернулись вверх в произвольном выражении удивления.

– Даже так? – пробормотал он.

Капитан Рагуленко со слоновой изящностью поклонился губернатору и вручил ему приехавшую с собой бумагу. В который раз я обратил внимание на то, насколько это русский соответствует своему прозвищу. Де Альмада развернул лист и пробежал его глазами:

– Господин Рагуль... – сказал он, оторвав взор от документа, – простите, но я плохо расслышал вашу фамилию.

– Моя фамилия Рагуленко, господин де Альмада, – ответил мой русский друг, – и иностранцам ее действительно сложно выговаривать. Если вам так удобнее, то можете просто называть меня сеньор Сержиу.

– Хорошо, сеньор Сержиу, – склонил голову губернатор. – Так вот. Из ваших бумаг следует, что вы заключили договор с правительством Его Величества об аренде островка Корву. Островок этот практически не заселен, там проживают всего около восьмисот человек, и я не вижу никаких препятствий для этой аренды. Хотя, конечно же, мне крайне любопытно, зачем он вам вдруг понадобился?

– Именно так, господин губернатор, – кивнул Рагуленко, – мое командование желает построить там небольшой курорт для реабилитации после ранений и просто отдыха наших офицеров и солдат. В последнее время все мы неплохо потрудились.

– Разумеется, – кивнул сеньор Антон. – Всего за месяц столь малыми силами стереть с карты мира Оттоманскую империю – это деяние, достойное Александра Македонского. Но, – губернатор почесал переносицу, – остров Корву крохотный, гористый. Кроме того, там дуют сильные ветра... Бухточки имеются только на южном побережье – в других местах к острову не пристанешь. Да и туманов и дождей там даже больше, чем у нас на Флореше.

– Зато там есть, насколько я слышал, водопады, прекрасное озеро в старом вулканическом кратере, отвесные скалы... Красота, как мне рассказали, необыкновенная.

– Ну ладно, не мне об этом судить. Там, кстати, есть подводные рифы – я прикажу сделать вам копии лоций. А теперь расскажите, сеньор Сержиу – правда ли, что вы полностью уничтожили английский флот в Средиземном море? Или те, кто распространяет подобные слухи, несколько преувеличивают?

– Да нет, сеньор губернатор, все было именно так, – ответил Рагуленко. – Увидев два наших корабля под андреевским флагом в Пирейском порту (при этом на одном из них находился сам наследный принц Александр и развевался императорский штандарт), британский адмирал предъявил нашим морякам наглый ультиматум, потребовав немедленной сдачи под угрозой расстрела. Когда же наши корабли отказались подчиниться этому противозаконному требованию, британцы начали стрелять, убив несколько человек и повредив русский корвет «Аскольд». Нашим кораблям пришлось ответить. Вы знаете, что когда каждый матрос и офицер знает, что делать, даже обычный корабль превращается в страшную силу. Адмирал Семмс вам это подтвердит. А крейсер «Москва» – это не совсем обычный корабль.

Я кивнул, подтверждая все сказанное. Югороссы – отличные военные моряки, хоть и совершенно обходятся без телесных наказаний. Британцы со всем своим гонором им и в подметки не годятся.

Антон де Альмада изумленно посмотрел на меня, потом на Сергея.

– Это неслыханно! – взорвался он от возмущения. – Нападение на корабль, на котором находится особа королевских кровей! Тем более вот так, вероломно, без объявления войны!

– Это Британия, сеньор губернатор, – с улыбкой ответил Сергей. – Вашему королевству повезло, и вас еще ни разу не «копенгагировали». Но на эту британскую наглость мы ответили по-русски – ударом на удар. Англичане оказались в нокауте. И теперь Средиземноморский флот Британии покоится на дне Пирейской бухты. Командующий этим флотом адмирал Горнби погиб, а моряки частью кормят рыб, а частью метут улицы в Афинах и Пирее, чтобы отработать свою чашку горячей похлебки. А потом наши ребята мимоходом заглянули на их главную базу в Портсмуте. Говорят, зарево ночного пожара было видно даже в Лондоне.

– Так что, сеньор губернатор, теперь вы можете спать спокойно, – добавил Сергей после небольшой паузы. – У Британии больше нет хоть сколь-нибудь стоящего флота, а на Корву для обеспечения безопасности наших людей будет постоянно находиться крейсер-стационар. Так

что даже если англичане и захотят нанести визит на Азорские острова, все кончится примерно так же, как и при второй битве у Саламина, с той лишь разницей, что британский металллом окажется на дне Атлантического океана, а не Средиземного моря.

– Очень хорошо, сеньор Сержиу, я буду иметь в виду это, несомненно, важное обстоятельство, – кивнул Антон де Альмада и посмотрел на меня с Оливером. – Господа, попрошу вас пройти в дом и отведать прохладительных. Вам не кажется, что солнце уже припекает несколько сильнее, чем хотелось бы?

5 сентября (22 августа) 1877 года. Полдень. Константинополь.

Джордж Генри Бокер, специальный посланник президента САСШ Рутерфорда Бирчарда Хейса.

Лишь только часы на Галатской башне пробили час пополудни, в мою дверь постучались. На пороге собственной персоной стоял мой новый приятель, югоросский канцлер мистер Александр Тамбовцев.

– Добрый день, мистер Бокер, – сказал он. – А не пообедать ли нам? Я думаю, вы уже проголодались...

– Да, мистер Тамбовцев, спасибо, – ответил я, – с удовольствием разделю с вами обед.

Он склонил голову.

– Тогда нас, мистер Бокер, можно уже считать друзьями...

– Почему вы так решили? – с интересом спросил я.

– Вы почти дословно процитировали нашу русскую поговорку, – ответил канцлер, – «Завтрак съешь сам, обед раздели с другом, ужин отдай врагу»...

– Ну, если так, мистер Тамбовцев, – сказал я, – то можете звать меня просто Джордж.

– А вы меня просто Алекс, – кивнул югоросский канцлер. – Ну что, Джордж, пойдём, посмотрим, чем нас сегодня удивит наш повар.

Трапеза, которую нам предложили сегодня, была, как и в прошлый раз, весьма простой, но вкусной.

Сначала подали закуски – на столе стояли осетрина, черная икра, винегрет, какой-то незнакомый мне салат с оливками, картофелем, горошком, колбасой и майонезом (канцлер назвал его «оливье»), пирожки, блинчики, вареное мясо в тесте, представленное мне как «хинкали»... В любой другой стране на этом трапеза бы и закончилась, а здесь она только началась. Впрочем, этому я не удивился – жизнь в Петербурге приучила меня к русской кухне. Правда, здешние блюда отличались от подаваемых в Петербурге, однако огромное количество еды и невозможность соблюдать диету – все это было мне очень даже знакомо.

Потом принесли холодный суп, совсем не похожий на все, что мне подавали в Петербурге. Чуть сладковатый и шипучий, с огурцами, вареным картофелем и яйцами, он был необыкновенно вкусен. Когда я спросил, что же это такое, канцлер, улынувшись, ответил, что это и есть та самая знаменитая окрошка, которую в северной столице России почитают кушаньем простонародья. Да, подумал я, это вкуснее всех тех французских консомме, которыми меня кормили на тамошних приемах.

А вот на второе были знакомые мне по Петербургу пожарские котлеты, которые здесь почему-то именовали киевскими. На десерт подали изумительные пирожные и кофе. И только после десерта русский канцлер спросил меня:

– Ну что, Джордж, вы ознакомились с нашими предложениями?

– Ознакомился, Александр, – ответил я. – Полагаю, что с большинством ваших пожеланий согласится и мое правительство. В частности, нас, несомненно, устроят статьи о дипломатических отношениях, о взаимной торговле, о взаимной гарантии инвестиций...

– Ну, Джордж, – ответил мне Тамбовцев, – они точно так же в ваших интересах, как и в наших.

Я вздохнул и сказал:

– О'кей. Но вот с некоторыми другими пунктами мое правительство вряд ли согласится. Например, о возвращении Форт-Росса под суверенитет Российской Империи. Во-первых, нам не совсем понятно, почему подобные вопросы – те, что касаются лишь Североамериканских Соединенных Штатов и Российской Империи – поднимаются в договоре между моей страной и Югороссией. Ведь Югороссия – не Российская Империя.

– Ты, конечно, прав, – ответил Александер. – Но Югороссия – тоже часть русского мира, и проблемы Российской Империи мы принимаем близко к сердцу. И страна, которая не выполняет своих обязательств перед Российской Империей, не может быть нашим другом.

«Однако! – подумал я. – Другими словами, любая страна, которая так или иначе будет вести себя недружественно по отношению к России, навлечет на себя гнев Югороссии».

Алекс мне не угрожал, нет – он просто излучал дружелюбие, но мне нужно дать понять нашему правительству, что с этого момента правила игры резко изменились, и ни в коем случае нельзя подвергать себя опасности навлечь гнев державы, которую представляет мой собеседник.

Я попробовал обойтись, как говорится, малой кровью.

– Но эту проблему можно решить иначе. Например, наше правительство немедленно выплатит оставшуюся задолженность...

– Но, Джордж! – воскликнул югоросский канцлер. – С этим согласиться не сможем уже мы – ведь все разумные сроки уже давно истекли. А если взять количество намытого там золота, то сразу становится ясно, что цена вырастет в много-много раз. Уже заплаченные деньги мы согласны рассмотреть в качестве опции на будущую покупку, не более того. Можно, конечно, сделать так – России официально возвращается суверенитет над Северной Калифорнией, специальная комиссия, состоящая из наших и ваших специалистов, заново оценит эти земли – и, если сумма будет выплачена в течение года после подписания договора, Северная Калифорния вернется в состав штата Калифорния.

– Александер, вы же знаете, что каждый штат суверенен, – ответил я, – и что нам требуется согласие палаты представителей и губернатора Калифорнии... Мы же не можем заставить один из штатов делать что-либо против своей воли!

Мистер Тамбовцев улыбнулся одними губами.

– Джордж, вы только что проделали это со штатами Юга, попутно уничтожив немалую часть этих самых штатов, а после учредив там управление из центра.

– Но они же незаконно объявили о своей независимости... – возмутился я.

– Вы так полагаете? – усмехнулся канцлер Югороссии, – а как же ваш тезис о суверенности каждого штата? Вы же сами только что сказали, что не можете заставить какой-либо штат делать что-либо против своей воли. А тут таковых было более десятка. И еще. Долгие годы почти все белые жители этих штатов были лишены элементарных гражданских прав, и управляли ими негры и «мешочники», понаехавшие с севера. И только в результате компромисса, приведшего к президентству Хейса, этот режим на юге был отменен.

Я оторопел от услышанного. Неужели это могло быть правдой?

Но канцлер Тамбовцев продолжал:

– Более того, в штате Мэрилэнд в начале Войны между Штатами арестовали политиков, журналистов и просто людей, которые поддерживали диалог с Конфедерацией, и посадили их в тюрьму без предъявления каких-либо обвинений, да так, что многие из них умерли в неволе.

– Вы уверены, в этом Александер? – наконец выдавил я из себя. – Этого просто не может быть...

– Увы, все так и было, – вздохнул Тамбовцев. – Вы же учились в Колледже Нью-Джерси, у вас, конечно, были друзья-южане.

– Конечно, были, – ответил я.

– Напишите им, – посоветовал мне югоросский канцлер, – и спросите у них самих. Если, конечно, все они сейчас живы.

– Я напишу и спрошу, – с трудом выдавил я.

Югоросский канцлер махнул рукой.

– Ладно, Джордж, проехали, давайте пойдём дальше. У нас ещё есть два пункта – вы их видели в моем списке...

– Да, конечно, – расстроено кивнул я. – Что там у вас еще?

– Во-первых, – сказал мистер Тамбовцев, – после передачи Аляски САСШ гарантировали права православного населения – но с тех пор их ущемляют, особенно среди коренных народностей. А еще: САСШ незаконно захватили остров Кодьяк, который не входил во владения Русско-Американской компании.

– Неужто? – удивился я.

– Именно так, – сказал мистер Тамбовцев. – Так что мы хотели бы включить подтверждение полных прав православного местного населения, а также признание суверенитета Российской Империи над островом Кодьяк, в текст любого договора, который Югороссия подпишет с Североамериканскими Соединенными Штатами.

Я пожал плечами и сказал:

– Вы понимаете, что я лично такие вопросы не решаю. Сначала мне будет необходимо проконсультироваться со своим правительством...

– Разумеется, Джордж, – кивнул югоросский канцлер, – мы это прекрасно понимаем. Как я уже вам говорил, наш телеграф к вашим услугам. Да, мы хотели бы включить в договор и еще один, последний пункт: нам хотелось бы, чтобы нас заранее – не позднее, чем за неделю – оповещали о любых военных действиях начатых по инициативе САСШ вне их границ. Точно так же мы готовы оповещать вас о любых наших военных действиях на американском континенте. Это, конечно, не касается самообороны собственных границ – ни наших, ни ваших. Но именно самообороны! Мы бы очень не хотели, чтобы наши торговые корабли или гражданский персонал внезапно оказались в зоне боевых действий. Говоря «наши», мы имеем в виду и граждан Югороссии, и подданных Российской империи. Последствия такого события могут оказаться непредсказуемыми...

– Хорошо, господин канцлер, – ответил я, почувствовав в его голосе скрытую угрозу, – я немедленно составлю телеграмму моему правительству. Можем ли мы продолжить наш разговор, например, послезавтра? За это время я, вероятно, уже успею получить ответы и из Президентского дворца и из Государственного департамента.

– Договорились, Джордж, – голос канцлера снова стал доброжелательным. – А теперь давайте выпьем еще по рюмочке коньяку и поговорим о поэзии и о драматургии. Сейчас в Вашингтоне все равно еще только лишь семь часов утра, и времени у нас более чем предостаточно.

8 сентября (27 августа) 1877 года. Утро. Штутгарт.

Капитан-лейтенант Виктор Брюсов.

– Stuttgart, meine Herren! Штутгарт, господа! – сказал проводник и поклонился.

Джон сунул ему пару купюр – проводник склонился еще ниже – потом носильщики взяли наш багаж, и мы вышли на перрон старого штутгартского вокзала.

Для меня это было возвращением в детство. Родился я в Москве, где мой отец работал инженером на одном из заводов. В девяносто первом, когда мне было всего шесть лет, он погиб – его сбила навороченная тачка, вырвавшаяся на тротуар, и даже не остановилась, оставив его умирать на обочине. Нашлись свидетели, которые описали машину, а двое даже записали ее номер, но потом все вдруг забрали свои показания обратно, и в возбуждении уголовного

дела было отказано. А через год мать вдруг объявила, что она выходит замуж за герра Йоахима Мюллера из Штутгарта.

Мюллер все время приходил в наш дом с подарками – мне от него перепадали то одежда, то геймбой, то одноразовый фотоаппарат. Но мне он сразу не понравился. Мама кричала, что это потому, что я к нему ревную, но когда отгремела свадьба и мы уехали в Германию, оказалось, что я был прав. Нельзя сказать, что он был таким уж плохим человеком. Но он был швабом. А швабы – немцы, населяющие Вюртемберг и западную Баварию – пожалуй, самая скупая нация в мире.

В доме у него не было ни единой художественной книги, только низкопробные журналы, пара путеводителей и три-четыре книги на тему «сделай сам». Маме он сразу подарил швабскую кулинарную книгу, на которой все еще алел ценник «одна марка» – судя по всему, куплена она была на распродаже остатков неудачного издания. Впрочем, телевизор был неплохой, но программы были настолько скучными, что смотреть мне его совсем не хотелось.

Разговоры по-русски были запрещены – хотя, конечно, когда его дома не было, мы с мамой переходили на родной язык. Еда и одежда покупались только в самых дешевых магазинах, и мы почти всегда были голодными.

В уроках вождения маме было отказано («слишком дорого»), спал я на старом диване. Я записался было в футбольную команду, но Йоахим отказался платить взносы. Его понятия о расходах соответствовали швабскому анекдоту про щедрость: «Если это стоит менее одной марки, то покупай и не смотри на ценник!»

Но с футболом мне все же повезло – тренер команды, герр Клаус Обермайер, когда я, сдерживая слезы, сказал, что не смогу играть, ответил просто: «Если этот жлоб за тебя не хочет платить, то заплачу я. Вижу, что ты такой же, как и все русские, и никогда не сдаешься. Из тебя будет толк. Отец мне много рассказывал про Восточный фронт. Он часто мне говорил: Клаус, если бы русские и немцы воевали на одной стороне, мир давно был бы наш...»

Клаус показал мне, что швабы тоже бывают разные. Я сдружился с его сыновьями – Тобиасом и Штефаном, и вскоре мы с ними превратились в самых результативных нападающих молодежных команд во всем столичном регионе. После каждой тренировки мы ужинали у Обермайеров, и всю мою футбольную экипировку подарил мне тот же Клаус. И, главное, я очень неплохо заговорил не только по-немецки, но и на швабском диалекте. Йоахим даже постоянно ставил меня в пример маме, будто это была его заслуга.

Через четыре года мама, наконец, не выдержала, и решила вернуться в голодную Россию. Она согласилась на быстрый развод практически на условиях Йоахима (тысяча марок плюс билеты на поезд, отказ от всех других претензий).

Оставшаяся часть моего детства прошла сначала в Москве, потом в Питере, где мама еще раз вышла замуж, и где я и окончил знаменитую «Дзержинку» – как раз в том самом году, когда в Мюнхене с трибуны прозвучала знаменитая речь Путина. Гром оркестра, торжественное вручение дипломов и новеньких погон – и вот уже поезд везет меня в Мурманск, на Северный флот.

С Тобиасом и Штефаном я переписывался до самого последнего времени. Они даже приезжали несколько раз к нам в гости в Петербург и постоянно звали меня к себе в Германию. Но я уже делал карьеру военного моряка, и лишь молил Бога, чтобы глупость и подлость европейских политиков не заставила меня убивать моих немецких друзей.

И вот, после пересадок в Вене и Мюнхене, мы с мистером Девоем оказались в Штутгарте, городе моего детства. Жаль, не только мои друзья, но и Клаус еще не родились. Мы купили билеты на вечерний поезд в Париж. Вещи отдали носильщикам – камеры хранения здесь еще нет, но за небольшую плату все сохранится в лучшем виде, так мне сказал Джон. А мы пошли посмотреть город, благо время еще было.

По пути Джон отправил телеграмму в Париж – там к нам должен присоединиться Джеймс Стивенс, «патриарх» ирландской борьбы за независимость. Его мнение будет много значить и для наших планов, и по вопросу, достоин ли я стать королем Ирландии. Конечно, мне лично этого не особенно-то и хочется. Но, как любила говорить моя мама: «Партия сказала – надо, комсомол ответил – есть!» Да и вряд ли они откажут, ведь без российской помощи их революция обречена на поражение.

Одеты мы были с иголки, так что относились к нам везде подчеркнуто вежливо. Послав телеграмму, мы вышли по Кёнигштрассе к Дворцовой площади, обрамленной тремя величественными дворцами. И когда мы подошли к Новому замку, построенному по образу и подобию Версаля, навстречу нам попала высокая, уже немолодая, но все еще красивая дама в сопровождении нескольких человек. Увидев нас, она спросила по-немецки, кто мы такие и откуда...

И тут я вдруг понял, что дама передо мной – ни кто иная, как сама вюртембергская королева Ольга, дочь Николая I, некогда считавшаяся самой красивой невестой королевских кровей во всей Европе. Ее портрет висел в Музее земли Баден-Вюртемберг в Старом Замке.

Клаус Обермайер, отец моих друзей детства, неплохо знал историю Вюртемберга, и нашел во мне тогда благодарного слушателя. Поэтому я знал, что ее муж, король Карл, был большим почитателем искусств (а также молодых людей), и примерно в эти годы проводил почти все свое время в обществе секретаря американского консульства в Штутгарте, некоего Ричарда Джексона. У Ольги даже не было детей, ведь Карл практически сразу после свадьбы отказался исполнять свои супружеские обязанности, да и, вероятно, страдал бесплодием от венерической болезни, полученной в юности и кое-как залеченной тогдашними варварскими методами.

Зато все бремя правления небольшим королевством он сбросил им на плечи Ольги Николаевны.

Она делала все, чтобы не дать Пруссии подчинить себе свое маленькое королевство. И тут вдруг она узнала, что ее супруг взял немалые деньги в долг у Пруссии, и не счел нужным проинформировать супругу об этом. А условием для кредита было вступление Вюртемберга в Северно-Германский Союз под эгидой Пруссии. Так что одним росчерком пера он свел на нет всю ее многолетнюю политику, а Вюртемберг превратился в провинцию державы Гогенцоллернов, пусть даже и обладающую некоторой автономией. И как раз после присоединения Бадена, Вюртемберга и Баварии Северно-Германский Союз переименовали в Германскую империю.

Поклонившись, я поцеловал ее руку и ответил на том же языке, что мы – херр Брюсов и херр Девой, находимся в Вюртемберге проездом из Константинополя в Париж. После чего Ее величество перешла на английский:

– Так, значит, герр Брюсов, вы – один из тех легендарных югороссов, о которых с таким восхищением пишет наша немецкая пресса?

– Да, ваше величество, – просто ответил я.

Королева, похоже, заинтересовалась нами. Она наклонила голову и предложила:

– Господа, а не угодно ли вам присоединиться к нам? Мы немного прогуляемся по Дворцовому парку, а потом я была бы весьма польщена, если бы вы разделили со мной скромную трапезу.

Джон вслед за мной тоже поклонился и поцеловал руку королевы. «Да, – подумал я, – глядишь, и мою руку скоро так же начнут целовать. А оно мне надо?»

Ее величество Ольга провела нас не только по Дворцовому парку, но и показала Старый замок (уничтоженный во время Второй Мировой войны), Дворец кронпринца, церковь Штифтскирхе и другие красоты центра Штуттгарта.

Потом мы вернулись в Новый Замок, где радушная хозяйка показывала нам все красоты дворца – в моей истории он полностью выгорел в войну, и восстановили его лишь снаружи.

Конечно, здешняя роскошь не выдерживала никакого сравнения с Питером (что Ольга, кстати, мельком упомянула), однако Девой восхищенно смотрел по сторонам. Но вдруг выражение его лица резко переменялось.

В Мюнхене, в ожидании поезда на Штутгарт, мы поели тамошних знаменитых белых сосисок. Судя по всему, они были уже не первой свежести – их полагается есть до полудня, а мы перекусили ими вчера вечером. Мой луженый желудок справился с этой напастью, а вот у Джона начались, скажем так, проблемы.

Ольга сразу подозвала служанку и поручила ей провести гостя «в ту комнату отдыха, что подальше», после чего повернулась ко мне и вдруг сказала по-русски:

– Господин Брюсов, а откуда у вас в немецком швабский акцент? Я б даже сказала, что вы родом из одной из деревень к югу от города.

А ведь по-немецки я произнес всего лишь одну фразу – но чуткое ухо королевы уловило мой акцент.

– Я в детстве прожил четыре года в Штутгарте, – ответил я.

– А где? – заинтересованно спросила королева Ольга.

– В Дегерлохе, на Фридрих-Эберт-Штрассе, – сказал я.

– А в церковь вы ходили? – продолжала допрашивать меня Ее величество.

– Да, конечно, в Русскую Церковь на Зайденштрассе, – ответил я не задумываясь, не добавив, впрочем, что это бывало крайне редко – только тогда, когда Йоахим отлучался. Сказал – и тут же прикусил язык, вдруг вспомнив, что Русская Церковь на Зайденштрассе была построена уже после смерти королевы Ольги.

В общем, как в анекдоте – «И тут Штирлиц подумал: а не сболтнул ли я лишнего?»

Как тут же выяснилось, лишнего я действительно сболтнул, потому что королева Ольга прекрасно знала подведомственные ей территории.

Она удивлением произнесла:

– Господин Брюсов, а вы знаете, что Зайденштрассе – совершенно новая улица, и никакой церкви, а уж тем более русской, там нет. Да и Дегерлох – всего лишь деревня, а не часть Штутгарта. Мы частенько туда выезжаем, подышать тамошним знаменитым воздухом. Но никакой Фридрих-Эберт-Штрассе я там не припомню. Кстати, а кто такой Фридрих Эберт?

– Не знаю, Ваше величество, – смутился я. – В том возрасте, в каком я тогда находился, я не задавал взрослым подобных вопросов.

Королева задумалась и медленно произнесла:

– Вы знаете, у меня уже были смутные сомнения в отношении югороссов – они как будто не из нашего мира. Ходят разные слухи и сплетни насчет них. И вот теперь я чувствую, что вы мне рассказали несомненную правду, но при этом у меня впечатление, что все это не от мира сего. В будущем Штутгарт, наверное, будет больше, чем сейчас, и вполне возможно, что Дегерлох станет частью города. Виктор, скажите, в каком году вы родились?

– В тысяча девятьсот восемьдесят шестом, Ваше величество, – ответил я.

Королева вскинула голову и сказала:

– Господин Брюсов, я хотела бы знать, что будет с моей многострадальной Родиной и с моим Вюртембергом в будущем... Ваш спутник вот-вот вернется, так что сейчас, я полагаю, не время это обсуждать, но не могли бы вы мне рассказать об этом хотя бы в двух словах?

– Ваше величество, – сказал я, – в будущем Россию и Германию, включая и Вюртемберг – в той истории, из которой мы сюда прибыли, ждут очень тяжелые времена. Но знайте, что Россия тогда выстояла и победила. А сейчас Югороссия, капитан-лейтенантом флота которой я имею честь быть, сделают все, чтобы России, да и всему миру, не пришлось снова проходить через великие потрясения.

Тут вернулся Девой, и «Шахерезада», то есть я, «прекратила дозволенные речи». Нас провели в скромную залу в Новом Дворце, где уже ждал накрыт стол. Обед был обильным, но

знакомых швабских блюд не было – все кушанья имели незнакомые мне французские названия. А вот местные вина мне не понравились – моча мочой.

Потом мы уселись в салоне, куда нам принесли кофе и прекрасный коньяк, и придворные дамы удалились. Наступила тишина, прерываемая только тиканьем напольных часов, напоминавших нам о неумолимом ходе времени.

И тут Ольга неожиданно сказала:

– Господа, мне кажется, я догадываюсь, куда именно вы едете. Про вас, мистер Девой, я слышана – вы ведь тот самый смельчак, который организовал побег на Каталюпе. Да и вы, господин Брюсов, как можно судить по вашей фамилии, наверняка потомок королей? – Королева внимательно посмотрела на нас обоих. – Я уже догадываюсь, господа, что вы путешествуете по миру не из праздного интереса. Так что имейте в виду: королевство Вюртемберг, хоть и находится в прусской кабале, но все еще является формально независимым государством. Могу вас заверить: если случится так, что Ирландия станет независимой, то мы первыми признаем Ирландское королевство и окажем вам всю возможную помощь. И я надеюсь когда-нибудь посетить вас в Дублине или в древней Таре. Короче, там, где когда-нибудь будет ваша столица. Я вам это обещаю...

9 сентября (28 августа) 1877 года. Утро. Констанца, учебное судно «Перекоп». Полковник ГРУ ГШ Бережной, майор Мехмед Османов и генерал Михаил Скобелев.

В учебной аудитории «Перекопа» было тихо, только с берега доносился отдаленный треск выстрелов, глухое уханье пушек и едва слышные крики «Ура!». Части русской армии, назначенные для формирования персидского экспедиционного корпуса, проходили ускоренный курс боевой подготовки «по-югоросски».

Это были состоявшие ранее в резерве и по причине общей скоротечности войны не успевшие принять участие в боевых действиях на Балканах 1-я гренадерская дивизия, Сводная Кавказская казачья дивизия, 2-я Донская казачья дивизия, 2-я саперная бригада, Отдельный Кубанский казачий полк, 7-й отдельный кубанский пластунский батальон и сводная горно-артиллерийская бригада. Кроме того, в походе принимала участие сводная гвардейская бригада, составленная из сводных рот всех гвардейских пехотных полков. Чтобы в дальнейшем гвардия не закисала, сводную гвардейскую бригаду предполагалось сделать постоянно действующим боевым формированием, регулярно обновляющим свой состав путем ротации.

Для вооружения Персидского экспедиционного корпуса со складов ГАУ взамен ружей Крнка были выданы новейшие на тот момент однозарядные винтовки Бердана № 2 калибра 4,2 линии под патрон с дымным порохом. Уже почти три недели войска стояли лагерем на равнине в виду Констанцы и каждый день занимались тем, что раньше им и в голову не пришло. Марш-броски с полной выкладкой, передвижение по полю боя рассыпным строем, стрельба по индивидуально выбранной мишени, ползание по-пластунски под огнем противника, метание на дальность и точность пироксилиновых бомб с вытяжным взрывателем – грубым аналогом немецкой гранаты-толкушки времен Великой Отечественной войны.

Для казачьих частей основным видом боя предполагалось сражение в пешем строю, но на случай если враг начнет спешно отступать, отрабатывалась и быстрая подача коноводами коней с последующим преследованием противника и сабельной рубкой бегущих. Для отражения массированных атак из арсеналов доставили картечницы Гатлинга-Горлова с боезапасом. Несколько дней назад из Москвы привезли новую униформу и разгрузки, пошитые по югоросским образцам из серо-зеленого плотного сукна. С учетом того, что действовать предполагалось в осенне-зимний период и в горах, позаботились и о стеганых двухслойных куртках, внешний тонкий слой которых был набит конским волосом, а внутренний и толстый – ватой. Короче, жить захочешь, еще не так раскорячишься. Не забыты были и двусторонние маскха-

латы для разведчиков – изнутри белые, снаружи серо-коричневые, с петельками для прикрепления пучков травы и веточек.

С каждым днем Персидский корпус обретал все больше и больше черт, свойственных югоросской, а не русской императорской армии, становясь все более боеспособным и мобильным. К сожалению, время, отведенное на подготовку, заканчивалось. Корпус должен был выступить в поход первого сентября по принятому в России Юлианскому календарю.

Но куда должен был направиться корпус, информация была довольно противоречивая. Территория, которую позже назовут Ираком, выйдя из-под власти турецких пашей, была охвачена кровавой смутой. Армяне, турки, курды, арабы-сунниты, арабы-шииты, арабы-христиане, персы-шииты... Кровавый хаос начал переползать через границу в персидские пределы, где подняли голову все недовольные чуждой для персов тюркской династией Каджаров, и персидскому владыке Насеру ад-Дин Шаху пришлось обратиться за помощью к России. Династия Каджаров, к которой принадлежал Наср ад-Дин Шах, с Россией предпочитала дружить, конфликтуя при этом с Британией из-за влияния в Афганистане. Основной причиной конфликта были претензии персов на Герат. Один раз дело даже кончилось англо-персидской войной 1856-57 годов, в которой армии Персия потерпела сокрушительное поражение в сражении при Хушабе. Россия тогда сама была обескровлена Крымской войной, и не смогла оказать потенциальному союзнику действенной помощи. Сейчас же положение вещей в мире кардинально изменилось, и персов вполне можно было поддержать вооруженной силой.

Завоевательный поход превращался в спасательную миссию, что-то вроде ввода ограниченного контингента войск. Люди, совещающиеся сейчас в учебной аудитории «Перекопа», должны были на ходу изменить планы персидской осенне-зимней кампании 1877-78 годов.

– Итак, господа-товарищи, обстановка неожиданно изменилась, – полковник Бережной расстелил на столе карту. – Известия, полученные нами из Багдада и Басры, требуют принятия новых решений. То, что в наше время называлось Ираком, сейчас объято огнем междоусобной войны. В Аравии зашевелились ваххабиты, угомоненные турками еще шестьдесят лет назад. В районе Багдада самый настоящий хаос. Турки бегут оттуда и из районов компактного проживания курдов на север, в Ангору. Арабы-шииты, в свою очередь, спасаются на юг, к единоверным им персам. Ваххабиты режут всех без разбора и грызутся с курдами, которым такие соседи тоже не нужны... Одним словом, на трупе убитого нами османского льва устроили пиршество шакалы. Из Ирака волнения перекидываются и в Персию. В Тегеране пока еще спокойно, но приграничные провинции с преимущественно неперсидским населением уже под контролем вооруженных банд. Достойной упоминания регулярной армии у персов нет, и Наср ад-Дин Шах просит нашей помощи в наведении порядка.

– Короче, все как было у нас, после агрессии янки во времена Буша-младшего, – вздохнул майор Османов, – без сильной власти там скоро останутся лишь трупы и брошенные деревни и города...

– И что вы так сильно за них переживаете Мехмед Ибрагимович? – осведомился Скобелев. – Дикари же они...

– Вот тут вы не правы, Михаил Дмитриевич, – ответил тот. – Не дикари, а просто одичавшие от безвластия люди. Русский человек, если его освободить от всех оков и ограничений, тоже может превратиться в такого монстра – любой турок от испуга спрячется. Да и не чужие они мне люди – все же я с ними одной крови, и я воспринимаю их радости и печали как свои.

– Это верно, Мехмед Ибрагимович, – кивнул Скобелев и задумался о чем-то о своем.

– Михаил Дмитриевич, – сказал полковник Бережной, прерывая размышления генерала Скобелева, – как у вас с готовностью бригады к выступлению?

– Через три дня, Вячеслав Николаевич, вашими стараниями и с Божьей помощью мы выступим. Готовность вполне на уровне, хотя и пришлось списать в другие части до четверти всех офицеров, не готовых принять новые правила и условия службы. Зато на каждое освобо-

дившееся место мы получили по три-четыре кандидата. Это в основном те офицеры, кто видел армию Югороссии в деле у Шипки и под Софией или лечился в вашем госпитале. Сейчас, Вячеслав Николаевич, после освоения вашей науки управления войсками, я могу сказать, что у нас лучший офицерский состав во всей русской императорской армии. Нижние чины и унтер-офицеры тоже неплохо освоили вашу «науку побеждать». В противоположность суворовской, она ставит во главу угла не удалой штыковой удар, а частую и меткую прицельную стрельбу...

– Александр Васильевич Суворов был не глупее нас с вами, – заметил майор Османов. – Если бы в его распоряжении было такое оружие, как винтовка Бердана № 2, так он тоже бы делал упор на пулю, а не на штык. Стрелять же круглой пулей из гладкоствольного ружья, а еще дымным порохом – это все равно, что палить в белый свет как в копеечку. Да и главное у Суворова – это инициатива и индивидуальное обучение каждого бойца. Не стоит, Михаил Дмитриевич, считать предков глупее себя...

– Наверное, вы правы, Мехмед Ибрагимович, – вздохнул Скобелев, – и думаю, что в этом походе мы славы Александра Васильевича не посрамим. Но мы не решили главного – куда и каким порядком мы отправимся. На мой взгляд, повторение моей Ахал-Текинской экспедиции из той истории на данном этапе потеряло смысл...

– Разумеется, Михаил Дмитриевич. – Полковник Бережной склонился над картой. – Вот смотрите... От Констанцы мы перебрасываем ваш корпус по Черному морю кораблями нашей эскадры и пароходами в Синоп. Положим на эту операцию десять дней времени. С Ангорским эмиром, чтобы не было никаких недоразумений, Мехмед Ибрагимович договорится – не чужие, чай, люди.

– Договоримся, – кивнул майор Османов, – не так страшен эмир, как его малюют.

– Вот видите, – сказал полковник Бережной и продолжил: – От Синопа до уже занятого нашей армией Трабзона примерно четыреста пятьдесят верст – две недели хорошего марша. В Трабзоне три дня отдыха – и переход в двести пятьдесят верст до Эрзерума. Там сейчас расквартирован Кавказский корпус Лорис-Меликова. На этот переход, хоть он и почти вдвое короче, у нас тоже уйдет две недели. В Эрзеруме снова трехдневный отдых, и снова двухнедельный переход по горным дорогам на Догубаязита. Это уже граница с Персией. – Бережной поднял голову и посмотрел на майора Османова. – Мехмед Ибрагимович, я предлагаю на начальном этапе в Курдистан не лезть – пусть там все отстоится и успокоится. А двинемся мы на Багдад через иранский Тебриз...

– Разумно, – одобрил майор Османов, – умный в гору не пойдет, умный гору обойдет. Итого, какого числа мы должны быть на исходных позициях?

– Если за начало операции считать выступление из Догубаязида, занятого сейчас войсками генерала Тер-Гукасова... – полковник Бережной выписал на бумажке несколько цифр, – то получается шестьдесят один день. Если учесть ефрейторский зазор, то пятого ноября наш корпус войдет в пределы Персидской державы... До Багдада оттуда еще тысяча верст или почти полтора месяца марша. Итого – середина декабря. Если перевалы к тому времени будут непроходимы, то пойдем на юг по персидской территории, и к началу января выйдем к Заливу в районе Басры. Да, господа-товарищи, именно так мы и сделаем.

Полковник Бережной посмотрел на Скобелева.

– Ну, что скажете, Михаил Дмитриевич?

– Две тысячи верст и большей частью по горам... – усмехнулся тот. – Раз Александр Македонский там со своими голоногими греками прошел, то и русский солдат пройдет. Думаю, Вячеслав Николаевич, что все у нас получится в лучшем виде. И кстати, вы с нами, или остаетесь здесь?

– С вами, с вами, Михаил Дмитриевич, – кивнул полковник Бережной, – куда мы с Мехмедом Ибрагимовичем от вас денемся-то? Вопрос этот уже решенный, как и прикомандирование к вашему корпусу некоторого числа особых специалистов... Ну, вы меня понимаете. А

вот технику брать смысла нет, ибо топлива для нее под рукой не будет. Так что транспорт по старинке – выючной и гужевой, на большее не рассчитывайте. Правда, «Адмирал Кузнецов» на время нашего похода бросит якорь на рейде Батума, а это значит, что если будет по-настоящему туго, то прилетят железные птички и разнесут все вокруг вдребезги и пополам. Дальности хватит. Вот такие, Михаил Дмитриевич, у нас пирожки с котятами... Да, в Догубаязиде к нам присоединится Исмаил хан Нахичеванский со своим Эриванским конно-иррегулярным полком. Прекрасные воины, преданные России, да и местность ту знают отлично. Самая же главная наша задача теперь не столько военная, сколько политическая и экономическая. Раз уж так вышло, то мы наименьшей кровью должны привязать Персию к России узами политических и торговых интересов. Навсегда.

– Что ж... – задумчиво сказал Скобелев, подходя к иллюминатору, – серьезный подход. Думаю, что все выйдет как надо.

13 сентября 1877 года. Чуть южнее города Булонь-сюр-Мер, север Франции.

Джон Девой.

Возница спустился с козел кареты и торжественно объявил нам:

– Шато Клери, господа!

Затем он принялся заносить в дом наш багаж, а я тем временем огляделся по сторонам.

Белое здание шато, построенное в стиле барокко, находилось прямо посреди парка английского типа – с прямыми дорожками, тенистыми деревьями и зелеными лужайками. Хозяином поместья был некто Жозеф Стюарт – потомок одного из соратников Принца Чарли, который более ста лет тому назад попытался отвоевать независимость Шотландии. Мсье Стюарт был типичным французом – темноволосым, высоким, в его французской речи чувствовался акцент истинного парижанина. Он очень плохо говорил по-английски и совсем не знал гэльского, но при всем при этом большего поборника шотландской независимости я не встречал. Как мне рассказывал Джеймс Стивенс, лет десять тому назад они познакомились на благотворительном аукционе для ирландских беженцев, где и подружились. Потом месье Жозеф купил это поместье, и каждый год приезжал сюда на несколько месяцев.

И вот, когда решался вопрос, где именно можно собрать будущих борцов за независимость Шотландии и Ирландии, я послал телеграмму Джеймсу с просьбой найти подходящее место для нашего собрания где-нибудь поближе к Кале. Джеймс быстро связался с месье Жозефом, и тот тут же с радостью и предложил нам погостить в своём поместье.

Не знаю – может, тут сыграло ли свою роль то, что моя телеграмма была отправлена прямо из Константинополя... Как мне уже удалось убедиться, к загадочной Югороссии в Европе относились с любопытством, уважением и с легким оттенком опасения. Иногда даже совсем не легким. Стоило, как выражался Виктор, достать ему из кармана свою «краснокожую паспортину» – и лица окружающих мгновенно менялись. Эмоции были разные. Испуг – в Австрии, подчеркнутое уважение – в Германии, подобострастие – во Франции. В Англии нас, наверное, ожидала бы ненависть, но нам туда пока не надо...

Итак, после чудесного приёма в Штутгарте мы сели в вагон первого класса прямого поезда Штутгарт-Париж. На вокзале в Карлсруэ, где мы с Виктором вышли на перрон размять ноги, нам на глаза попала молодая прекрасная девушка – скорее всего, из хорошей семьи, поскольку она путешествовала в компании пожилой дуэньи, типичной немки. На эту пару просто нельзя было не обратить внимания: прелестный ангел рядом с бульдогообразным созданием женского пола, имевшим квадратную некрасивую фигуру и злое и решительное выражение лица, к которому больше подходило слово «морда». Короче, «Цербер на страже сокровища».

Когда юная девушка несколько раз как бы ненароком посмотрела в нашу сторону (похоже, ее внимание привлек Виктор: он который был весьма недурен лицом и обладал гар-

монично сложенной подтянутой фигурой) церберша разразилась гневной тирадой на немецком, и тут же быстро затащила девушку в вагон.

Виктор, тихонько посмеиваясь, перевёл мне ее гневный спич. Оказывается, сия дама говорила, что пока фройляйн княгиня находится в её попечении, она, госпожа фон Каула, не позволит неопытной девушке вести себя легкомысленно, и что эти люди (мы с Виктором) определённо намного ниже их по своему статусу. Глупая баба... И в своей глупости она убедилась довольно быстро.

Случилось это, когда мы вечером того же дня пересекали немецко-французскую границу, где-то между немецким Метцем и французским Бриэйем. К моему глубочайшему удивлению, французские жандармы всех нас заставили выйти из вагонов (что было ранее неслыханно для пассажиров первого класса) и пройти пограничный паспортный контроль, а также проверку багажа. Юная девушка и её церберша оказались в очереди сразу за нами. Виктор с поклоном предложил им пройти вперёд, но мегера лишь посмотрела на него с ледяным презрением.

Со мной французский таможенник был неприветлив и заносчив, но когда он увидел красный югоросский паспорт Виктора, его спесь как ветром сдуло. Он расплылся в подобострастной улыбке и даже попытался изобразить что-то вроде почтительного поклона. Багаж Виктора, как и мой, при этом никто даже и не подумал досматривать.

Зато когда француз увидел баденский паспорт фрау фон Каула и российский – её спутницы, то тут же начал крайне неприлично на них орать. Виктор говорит, что это «обезьяний рефлекс»: продемонстрировав позу подчинения особи высокого ранга, среднеранговый месье шимпанзюк тут же попытается самоутвердиться за счет кого-нибудь более слабого и беззащитного.

Услышав его вопли, Виктор обернулся и пристально посмотрел на француза. Молча. Ни одного слова, никаких угроз – ничего. Но в воздухе как будто лязгнуло железо и запахло озоном, словно при грозе. Возможно, мне все это просто показалось... Но это уже был взгляд истинного короля.

Удивительно, но француз осёкся на полуслове, и теперь взирал на моего спутника с откровенным страхом. После этого он, опустив глаза, молча перелистал оба паспорта стоявших позади нас дам, проставил в них все необходимые печати и отдал их благородной фрау.

Когда мы вернулись в вагон, пользуясь тем, что баронесса фон Каула приотстала, команда носильщиками, девушка посмотрела на моего спутника и смущенно пролепетала:

– Мерси боку, месье...

– Брюсов, Виктор Брюсов, сударыня, – сказал мой спутник. – А это мой друг Джон Девой...

Девушка тут же перешла на русский.

– Вы из России? – спросила она.

– Нет, я капитан-лейтенант военно-морского флота Югороссии, – ответил Виктор, – но я русский.

Девушка покраснела и опустила глаза.

– А меня зовут Александра Кропоткина, – сказала она. – Я с отцом отдыхала в Баден-Бадене, и фрау фон Каула, которая ехала в Париж, согласилась взять меня с собой – я давно мечтала посмотреть этот город. А вы тоже едете в Париж?

Виктор склонил голову.

– Да, мадемуазель Александра, мы тоже едем в Париж, но ненадолго – мы там проведём всего один день, после чего отправимся дальше по своим делам.

Та подумала и вдруг достала из своей сумочки блокнот, вырвала из него страничку, написала карандашиком несколько строк и вручила Виктору:

– Господин Брюсов, – сказала она, наморщив прелестный лобик, – если вы будете в Харькове, то заезжайте к нам – вот мой адрес. Впрочем, меня вы там найдете легко – мой отец харьковский губернатор.

Тут вернулась фрау фон Каула, зло посмотрела на Александру и на нас, после чего утащила девушку за руку в их купе. Когда прекрасное создание скрылось из виду, Виктор некоторое время был весьма задумчив, а потом сказал:

– Джон, о такой девушке я мечтал всю жизнь. Но, увы, она княгиня, и к тому же потомок самого Рюрика, первого князя Руси... А я кто?

– Надеюсь, что будущий король Ирландии, – сказал я, весело подмигнув ему. – И тебе, Виктор, нужно уже подбирать будущую королеву. Я всё думал – кого же? Но если эта девушка происходит из рода древних русских царей, то она будет весьма подходящей парой для Его Величества, короля Ирландии.

Виктор ничего больше не сказал, минут пять посидел с мечтательно-задумчивым выражением лица, после чего вернулся к чтению книги по древней ирландской истории.

Потом мы с ним немного поговорили. Оказывается там, в далеком будущем, наш гэльский фольклор распространился по миру, став основой для специального литературного жанра сказок для взрослых, именуемого «фэнтези». Нельзя сказать, чтобы Виктор был поклонником этого жанра, но неплохо в нем ориентировался, и мы до полуночи беседовали о кельтской культуре во всех ее проявлениях.

В Париже мы действительно провели чуть более суток – Джеймс Стивенс принял нас весьма радушно и сказал, что ехать нужно будет с раннего утра восьмого сентября – именно тогда Жозеф Стюарт будет нас ожидать. Его поместье – идеальное место для нашей встречи: недалеко от Кале, на прямой железнодорожной ветке из Парижа, уединённое и со слугами, умеющими держать язык за зубами.

Весь день седьмого сентября мы гуляли по французской столице – Виктор рассказал, что его отчим обещал свозить его и мать в Париж, но попасть в этот чудесный город довелось лишь сейчас. Впрочем, его удивила грязь, а также копать и множество нищих и огромное количество проституток. Я когда-то читал, что рабочие, которые стремились в Париж со всей Франции, получали так мало денег, что у многих жёны «трудилась» проститутками, и что парижские бордели были столь знамениты, что в программу визитов некоторых глав государств входило и посещение местных публичных домов. Для Виктора это было шоком, и на моё предложение посетить одно из этих заведений он ответил решительным «нет». Так что мы целый день гуляли по церквям, музеям и просто бульварам и улочкам древнего города. Местные апаши, уличные шакалы, при этом обходили нас стороной, ибо инстинктом мелких хищников хорошо понимали, на кого можно нападать, а на кого нет. На всякий случай у меня в трости скрывался отличнейший клинок без чашки, а у Виктора за отворотом сюртука, в плечевой кобуре, имелся югоросский девятимиллиметровый автоматический пистолет. Но все обошлось, и наш арсенал не понадобился.

На следующее утро мы сели в поезд Париж-Булонь. Познакомившись с Виктором, Джеймс Стивенс сразу одобрил его кандидатуру. По его словам, «если б я сам получил право выбора нового короля, выбрал бы именно такого, как Виктор». Оставалось посмотреть, что же нас ожидает на встрече в Шато Клеры.

Когда мы туда прибыли, нас радушно принял сам Жозеф Стюарт, сообщив, что мы оказались первыми из приглашенных. После весьма вкусного обеда, за стаканчиком нормандского кальвадоса, он сказал:

– Господа, я не ирландец, и я не буду участвовать в вашей встрече. Я даже не собираюсь спрашивать, что именно вы там будете обсуждать. Но зная, кто именно передо мной, я надеюсь, что главной темой будет свобода Ирландии. И если Ирландия станет свободной, то прошу вас – не забывайте о ваших гэльских братьях в Шотландии и на острове Мэн!

Я замялся, а Виктор посмотрел на нашего хозяина и сказал:

– Если это будет в моих силах, мсье Стюарт, то я сделаю всё, чтобы шотландцы тоже стали свободными. – Подумав, он черкнул несколько слов на листке бумаги и, отдавая ее нашему хозяину, сказал: – Если у вас есть серьезные предложения, мсье Стюарт, то обращайтесь вот сюда. Я ничего не обещаю, но, по крайней мере, вас выслушают, а если будет возможность, то и помогут. Шотландия будет свободной.

Жозеф Стюарт аккуратно спрятал бумагу в карман. Я понял, что он сделает все, но до конца использует предоставленную ему возможность.

Вскоре в поместье стали съезжаться и прочие гости. Первым прибыл Чарльз Парнелл, знаменитый борец за права ирландцев в английском парламенте, которого, равно как и других сторонников ирландской автономии, только что оттуда изгнали. Вместе с ним прибыли и несколько других ирландских парламентариев. Потом, неожиданно для всех, приехал Майкл Дэвитт – один из самых ярых фениев, который каким-то чудом бежал из британской тюрьмы и был переправлен в Булонь в компании других фениев. Обе группы – парламентарии и фениев – очень не любили друг друга, но в последние несколько недель, после изгнания ирландских депутатов из парламента, их позиции резко сблизились.

Собрание началось с того, что я представил Виктора собравшимся соплеменникам и объяснил, на каких условиях наше движение получит поддержку России и Югославии. Первой реакцией на это сообщение в основном был недовольный шёпот, но потом встал Чарльз Парнелл.

– Если уж Ирландии суждено стать монархией, – сказал он, – то лучшего короля, чем Виктор Брюс, я себе и представить не могу.

После этого заявления споры как-то сами собой стихли, и когда, по предложению Парнелла, этот вопрос был выставлен на голосование, то, к моему удивлению, все присутствующие единогласно проголосовали за приглашение Виктора на ирландский престол.

Потом мы долго и упорно обсуждали планы освобождения Ирландии: вербовку и подготовку Королевских стрелков, а также ирландских патриотов – тех, кому суждено начать восстание в Ирландии сразу после Рождества.

Детальную проработку планов мы отложили на потом. Мы решили, что некоторые присутствующие последуют на остров Корво, где эти планы будут обсуждаться с нашими союзниками... Кто эти союзники, я говорить пока не стал, но тот факт, что Виктор был югославом, ни для кого секрета не представлял.

А вот будущее устройство Ирландии на собрании обсуждалось в деталях – было ясно, что она будет конституционной монархией, но с правом нового короля назначать правительство, накладывать вето на любые законы, а также во время войны самому издавать указы без согласования с парламентом, кроме случаев, когда они затронут конституционные права граждан Ирландии...

Когда наша встреча закончилась ко всеобщему удовлетворению собравшихся, некоторые из нас вернулись в Кале, чтобы сесть там на один из французских почтовых пароходов, идущих в Ирландию, другие же отправились с нами – в Париж, Бордо, и далее на остров Корву. Каким именно образом мы собираемся туда попасть, мы с Виктором им пока не сказали, но заверили всех, что всё уже подготовлено. И, как ни странно, обычно анархически настроенные ирландцы нам сразу поверили, что говорит о том, что из Виктора действительно может получиться хороший король для Ирландии.

14 сентября 1877 года. Обзор мировой прессы

Российская «**Московские ведомости**»: *«Расстояние – не помеха! Две страны, расположенные за десятки тысяч верст друг от друга, нашли общий язык».*

Французская **«Фигаро»**: *«Триумф генерала Гранта! Долгие переговоры в Константинополе завершились успешным подписанием документов, дающих толчок к дальнейшему сотрудничеству».*

Австрийская: **«Винер Цейтунг»**: *«Пугающий рост могущества Югороссии! Против кого эта страна-скороспелка сколачивает альянс?»*

Германская **«Берлинер тагенблат»**: *«Югороссия и САСШ протянули друг другу руки! Подписанный генералом Грантом в Константинополе договор дает старт дальнейшему сотрудничеству».*

Британская **«Таймс»**: *«Монстр на Босфоре вербует сторонников! Неужели неразумные американцы пойдут войной против своей бывшей метрополи?»*

Американская **«Нью-Йорк Таймс»**: *«Кто сомневался в успехе президента Гранта? Герой Гражданской войны и сегодня крепко сидит в седле!»*

Итальянская **«Стампа»**: *«Война – не помеха! Два государства решили, что лучше торговать, чем воевать!»*

Испанская **«Гасета нуэва де Мадрид»**: *«Дипломатический успех генерала Гранта! Договор между Югороссией и САСШ даст новый стимул к развитию международной торговли».*

Датская **«Юланд постен»**: *«Америка не упустит своего! Установив торговые отношения с Югороссией, САСШ получит немалую прибыль от взаимовыгодного сотрудничества!»*

15 сентября 1877 года. Лондон. Букингемский дворец.

Королева Виктория и Уильям Гладстон, политик, писатель, либерал.

Затянутый пеленой смога Лондон выглядел, как во времена эпидемии чумы. На улицах пока не валялись трупы умерших, но настроение лондонцев было похоронным. Тридцать девять дней назад, не вынеся позора поражений, покончил с собой 42-й премьер-министр Великобритании Бенджамин Дизраэли, виконт Биконсфильд. Выстрел, прозвучавший седьмого августа в приемной королевы Виктории, гулким грохотом прокатился по всей Великобритании. Хитрый Дизи не просто ушел из жизни, он напоследок так хлопнул дверью, что вот уже месяц, как британские парламентарии не могут избрать ему преемника.

Вожди парламентских партий так и не смогли договориться и набрать необходимое число голосов, чтобы выдвинуть на пост премьера человека, способного вывести страну из тупика. В парламенте образовались две примерно равные фракции, каждая из которых, впрочем, не была не в состоянии набрать большинство, необходимое для избрания премьера. Одна из них, образованная из твердокаменных тори, хотела бы видеть премьер-министром сорокасемилетнего консерватора Роберта Гаскойна Сесила Солсбери, министра по делам Индии в правительстве Дизраэли. Другая фракция, либеральная, несколько более многочисленная, но также не набиравшая большинства, стояла за шестидесятивосьмилетнего либерала Уильяма Юарта Гладстона. Остальные кандидаты даже не стоили того, чтобы о них говорить, ибо никто из них не представлял собой сколь-либо значимую величину. Выбор этот был не просто выбором из двух более-менее равнозначных кандидатов, этот выбор означал и выбор между смертью или жизнью, войной или миром.

И выбор этот, при отсутствии ясно выраженной воли парламента, предстояло сделать королеве Виктории. Выбери она Роберта Солсбери – и тот в кратчайший срок устроит Британии ужасный конец. Такие политики, как он, хороши тогда, когда накопленную мощь надо конвертировать в сокрушающий удар по врагу. Если же мощи уже нет, и она вся растрянжирена предшественниками, то такой премьер просто убьет Британию об стену, пытаясь собственной головой пробить выход там, где не намечалось даже входа. В случае с либералом Гладстоном у королевы была хотя бы надежда, что этот один из умнейших людей Империи, мудрый аки змий, сумеет проводить политику, дающую Британии шанс остаться в числе великих держав. Ужас без конца все же лучше, чем пеньковая петля, затянутая на шее палачом.

Весь последний месяц королева по несколько раз за ночь просыпалась в холодном поту и с отчаянно бьющимся сердцем. Ей чудилось, что на остров уже вторглись полчища русских варваров, а югоросские головорезы уже топают своими сапогами по коридорам Букингемского дворца, намереваясь схватить ее, королеву Викторю, и за все ее злые и подлые дела передать прямо в руки палачу. И будет она повешена за шею, и пусть висит так, пока не умрет.

Неделю назад, обуреваемая острым любопытством, королева инкогнито наблюдала за приведением в исполнение смертной казни через повешенье, к которой были приговорена банда из четырех воровок, пойманная с поличным на лондонских улицах. В отсутствие возможности сплавлять бракованный человеческий материал в Австралию и без того суровое королевское правосудие стало просто патологически жестоким. На виселицу можно было угодить даже за пару украденных пенсов.

Ярая женоненавистница, королева с удовольствием подписывала смертные приговоры женщинам и, как правило, миловала мужчин. Вот и в тот раз чувство наслаждения от чужой смерти было острым и волнующим. Правда, тут же появилось ощущение пеньковой петли, охватившей ее собственную шею. И было за что. Горе, кровь и слезы, которые она причинила людям за тридцать семь лет своего правления, в случае поражения Британии могли воздаться ей смертным приговором. И именно тогда, наблюдая, как бьются в петле четыре молодые женщины, почти девочки, вся вина которых состояла только в том, что они родились на самом дне столицы Британской империи, в трущобах Лондона, Виктория решила, что она будет делать все, чтобы всячески оттянуть момент расплаты. А наилучшим помощником в этом ей был бы хитрый и умный либерал Уильям Гладстон.

Несколько дней ушло на консультации с другими политиками. И вот вопрос о назначении был почти решен. Усталый, с всколоченной и растрепанной шевелюрой шестидесятивосьмилетний старик стоит перед ней в кабинете.

– Ваше Величество, – сказал он, – вы меня звали, и я пришел, хоть и обещал себе больше никогда не заниматься политикой. Я не волшебник и не Христос, и не могу творить чудеса. Но я попытаюсь, ибо только чудо способно сейчас спасти Британию. Но я вас умоляю – прекратите, остановите казни бродяг! Эти люди виновны только в том, что остались без источников существования. Или вы хотите, чтобы наше английское простонародье ждало бы русского вторжения на острова как единственного избавления от ужасов тиранического правления королевы? Если вы откажетесь выполнить мою просьбу, то обращайтесь к мистеру Роберту Солсбери, а я тогда умываю руки.

Уильям Гладстон резко выпрямился, ожидая ответа Виктории на свой первый премьерский спич.

Королева нервно сглотнула. Она просто не ожидала такого начала разговора – когда человек, приглашенный ею на должность премьер-министра, ставит ей свои условия. Но, с другой стороны, королева Великобритании была кем угодно: негодяйкой, сволочью, злодейкой, интриганкой... Но она не была дурой. Дура на троне не сумела бы превратить свою державу в самое могущественное государство в мире. И не ее вина, что после смерти наследники Виктории быстро разбазарили то, что королева собирала всю свою жизнь. В этой истории ее детище,

ее «империя, над которой никогда не заходит солнце», пала под воздействием лишь грубой силы и волей божественного провидения, выступившего внезапно на стороне России. Все произошло так быстро, что королева не успела найти выход из создавшегося положения, и, на радость своим врагам, попыталась тушить пожар керосином. Теперь же, когда пламя с ревом поднялось до небес, бедная женщина наконец решила позвать на помощь профессионального пожарного, и совсем не удивительно, что тот сразу стал просить ее перестать еще больше раздувать огонь.

– Хорошо, – хрипло каркнула Виктория, – вплоть до того момента, когда в стране все вернется на круги своя, я наделяю ваш кабинет чрезвычайными полномочиями, в том числе я уступаю вам королевское право карать и миловать. Берите этих оборванцев и делайте с ними что хотите, но только спасите нашу любимую Британию! Это то, единственное, что я от вас требую. Мистер Гладстон, на таких условия вы согласны принять пост главы моего Кабинета?

– Да, Ваше величество, – удовлетворенно кивнул теперь уже полноправный чрезвычайный премьер-министр, – я согласен.

– Уф... – выдохнув с облегчением королева, резко опускаясь, почти падая в глубокое мягкое кресло.

– И вы тоже присаживайтесь, дорогой сэр Уильям... – с трудом надев на лицо умиленную улыбку, проворковать Виктория, указывая на соседнее кресло. – Расскажите своей королеве – так ли на самом деле плохи дела, как ей ранее докладывали?

– Ваше величество, – сказал Гладстон, присев на край мягкого кожаного кресла, – если вам докладывали, что наши дела просто плохи, то должен разочаровать вас – на самом деле они еще хуже. Да-да, именно так. После того, как в деле об убийстве русского императора Александра Второго появился британский след, на нас сразу же спустили свору собак. С русско-югославско-германским следствием активно сотрудничают все страны Европы. Даже САСШ прислали свою делегацию. Никому не хочется оказаться замешанным в подобном деле, и поэтому следствие идет с пугающей скоростью. Даже обычно ленивые французы суетятся так, будто для них наступил второй Седан. Кстати, русский император уже предложил создать единую для всех стран полицейскую организацию, именуемую Интерпол, которая помогала бы полициям стран, вступивших в эту организацию, в расследовании особо опасных преступлений. А бедный, наивный Дизи надеялся скрыть следы и замести мусор под ковер...

Переведа дух, Уильям Гладстон вытер вспотевший лоб большим клетчатым платком.

– Так вот, Ваше величество, – продолжил премьер, – как только следствию стало ясно, что некий полковник Бишоп был нанят английским правительством при посредстве британских и австрийских Ротшильдов, в тот же самый момент мы, англичане, стали в Европе нерукопожатными. Морская блокада наших берегов, организованная русским и югославским флотом – еще полбеда. Главная беда – это дипломатический бойкот по всем линиям и фронтам, который поддержала даже республиканская Франция. Вдобавок к тому, что мы отрезаны от своих колоний, нас отрезали и от самой Европы. Я не исключаю и того, что, воспользовавшись нашей временной слабостью, восстанет Квебек, или САСШ возжелают отнять у нас всю Канаду. Слабым быть плохо, на них тут же нападают все кому не лень, и кто считает себя сильным. Что творится в других колониях, мы пока не знаем. Но я думаю, что очередное сипайское восстание в Индии – только вопрос времени. Что же касается положения в самой Британии, то должен сказать вам, Ваше величество, что в Ирландии, Уэльсе и Шотландии сейчас неспокойно, глухое недовольства в любой момент может перерасти в вооруженный мятеж. Даже в чисто английских графствах положение не из лучших. Заводы и фабрики закрываются из-за отсутствия сбыта и сырья, фабриканты выбрасывают рабочих на улицу. Кроме того, нам грозит самый настоящий голод. Вот уже сто лет Британия не производит столько хлеба, сколько необходимо для пропитания собственного населения. Корабли, блокирующие наши порты, беспрепятственно пропускают суда с эмигрантами, едущими в Америку или еще куда, но задержи-

вают транспорты, которые везут в метрополию промышленные и продовольственные товары. Военного флота, чтобы защитить морские пути, у нас уже нет, да и торговых кораблей остались считанные единицы. И, самое главное, Ваше величество, нет никаких намеков на то, что Россия, Югороссия или Германия решили собрать новую «Великую армаду», чтобы высадить на наших островах десант. Такого нет и не предвидится. Я ожидаю, что Британию будут душить костлявой рукой голода, отрывая от нас самые сочные и нежные куски. – Уильям Гладстон встал. – У югороссов, Ваше Величество, есть поговорка: «Большого слона едят маленькими порциями». Я приложу все усилия, чтобы нашу страну не порезали на кусочки как ростбиф, но для этого мне понадобятся время, деньги и ваша монаршая поддержка. Засим позвольте откланяться, чтобы я мог быстрее приступить к своим новым обязанностям.

Королева тоже встала.

– Идите, сэр Уильям, – сказала она, – и сделайте для нас чудо. И да пребудет с вами Всевышний. Аминь.

Как только новоявленный премьер покинул кабинет, королева крадучись прошла к секретеру, по-воровски оглянулась и вытащила из потаенного ящика початую бутылку коньяка. На радостях она налила себе полный бокал. Теперь, когда у нее есть способный человек, принимающий на себя удары судьбы, королева снова может позволить себе предаться своему любимому занятию. А потом, когда Британия будет спасена, еще неизвестно, кого будут считать ее спасителем...

16 сентября 1877 года. Поезд Париж-Бордо.

Виктор Брюсов, пока еще не коронованный король Ирландии.

Такой говорильни, как в Булони, я никогда еще не видел. Первые три-четыре часа разговор шел вообще ни о чем. В основном фении обвиняли парламентариев в предательстве интересов Ирландии, тогда как парламентарии обвиняли фениев в том же. Да и среди обеих фракций были группировки, для которых другие члены той же фракции были злейшими врагами. Впрочем, и о себе, любимом, я много чего наслышался. Ну, это ладно, я ведь и не запрашивался на королевскую должность. Но было очень обидно, что наше собрание, на которое мы с Джоном ехали через половину Европы, как мне тогда показалось, ничем конкретным не закончится. Чем-то мне это напоминало заседание «Союза Меча и Орала» из «Двенадцати стульев».

Но когда встал Джеймс Стивенс, все затихли: похоже, это был единственный человек, которого уважали все. И он предложил продолжить собрание согласно правилам регламента Роберта, которые были предложены в прошедшем 1876 году, завоевав симпатии всего англоязычного мира. Председателем собрания единогласно выбрали самого Стивенса, секретарем – Джона Девоя.

После этого выступил Парнелл, и с места в карьер предложил меня в короли. Дэвитт поддержал, и неожиданно все единогласно проголосовали за мою кандидатуру, как будто до того не поливали меня помоями.

Я тогда еще подумал про себя, что если уж становиться королем такой страны – то обязательно с полнотой власти. А то парламент, состоящий из таких вот «птиц-говорунов», кого угодно доведет до «дома хи-хи».

После выступления Парнелла дискуссия неожиданно стала конструктивной, и вскоре все пришли к консенсусу – свободной Ирландии быть. Тогда мое пока еще некоронованное величество было проэкзаменовано о том, как именно это совершить. Я вкратце изложил план Тамбовцева-Девоя, упомянув, что не я являюсь его автором – и план этот, как ни странно, встретили овацией.

Потом был торжественный ужин, плавно перешедший в пьянку – кто-кто, а ирландцы умеют пить почти так же, как русские. Почти – я пил наравне со всеми, но, единственный из всех, выглядел трезвым, после чего меня зауважали уже всерьез. И на утро сентября мы

все отправились в Париж, где я находился в одном купе с Девоем, Стивенсом и Чарльзом Парнеллом.

Последний сразу сказал:

– Ваше величество, я еще раз удостоверился в том, что наш народ нуждается в сильной руке. Увы, парламент на первых порах должен иметь не более чем совещательные функции – у короля должно быть полное право назначать правительство, издавать указы, а также ветоировать любой законопроект. Иначе будет то же, что мы наблюдали в первые часы дебатов.

– Чарльз, называйте меня просто Виктором, – ответил я ему, – я еще не коронован, и величеством пока не являюсь. А с вашими мыслями я полностью согласен, у меня ощущения были примерно такие же....

После этого до самого Парижа Парнелл с Девоем обсуждали будущее Ирландии и, к взаимному удивлению, подружились. А Стивенс по ходу дела давал мне уроки гэльского, все время приговаривая: «An-mhaith, fear óg!» – «очень хорошо, молодой человек!». Когда мы прибыли в Париж, он спросил у Джона и Чарльза:

– Господа, а вот почему человек, который совсем недавно стал учить наш древний язык, вполне сносно на нем говорит, а вы его практически не знаете?

Я сразу встал на их защиту, сказав, что господа Девой и Парнелл сделали намного больше для Ирландии, чем моя скромная персона, и что их вины в том, что мне языки даются легче, чем им, нет.

Вечером Джеймс Стивенс, Чарльз Парнелл и большинство парламентариев направились в Константинополь. Джон Девой и некоторые из фениев уехали в Брест – не тот, что в Белоруссии, а тот, что в Бретани. Оттуда Девой уйдет на французском почтовом пароходе в Бостон, а его спутники – в Дублин, Белфаст и Корк, готовить Рождественское восстание. Я же и несколько других под командой Майкла Дэвитта должны уехать в Бордо, а оттуда на пароходе в Лиссабон, и далее на Азоры, куда в ближайшем будущем придут добровольцы, из которых нам предстоит сколотить бригаду Королевских стрелков.

Но неожиданно оказалось, что на этот вечер не было железнодорожных билетов первого класса – а путешествовать вторым королю, пусть и некоронованному, ирландцы не позволили. Пришлось остаться в Париже еще на один день. Стивенс оставил свою квартиру в мое распоряжение – благо места и для меня, и для моих спутников было более чем достаточно.

Вечером я позволил себе полистать третью книгу из тех, что я привез с «Кузи» – путеводитель по Парижу. И на следующее утро я решил посмотреть те части французской столицы, где не успел побывать в прошлый раз – Левый Берег и район Сорбонны, а также аббатство Ключи и некоторые другие тамошние места. Конечно, многое в путеводителе еще не существовало или выглядело совершенно по-другому, но общее представление я из него получил.

И рано утром 11 сентября я пошел гулять по бульвару Сен-Мишель. Вдруг из какого-то переулка я услышал женский крик. Как ни странно, французы вокруг меня не обратили на эти крики никакого внимания. Только один прохожий осуждающе сказал: «Дура-баба, не знает, что гулять по этим переулкам опасно».

Я же метнулся в переулок и увидел четверых парижских бандюков-апашей, двое из них держали за руку какую-то девушку. Один опустошал ее ридикюль, а еще один с вождением шупал ее за всякие разные места, отпуская при этом циничные остроты, от которых ухохатывались его подельники.

Это они зря так. В моей голове что шелкнуло; некоронованный король Ирландии исчез, и на свободу вышло мое «альтер эго» – чемпион «Адмирала Кузнецова» по айкидо. Я даже забыл про ПМ с глушителем, тихо ждущий своего часа в плечевой кобуре. Этих козлов я сделаю просто голыми руками.

Удар, шаг, еще удар ногой (есть еще растяжка в теле) – и вот мужик с сумочкой и мужик-лапатель лежат на земле. Этим двоим, пожалуй, лежать придется долго, и не дома на своей

кровати, а в больнице или в морге при ней. Два других отпустили девушку и потянулись за ножами. Навахи – отметил я, а в умелых руках это вещь довольно опасная. Я не стал рисковать, вспомнив про свой ПМ, я выдернул его и – хлоп, хлоп. Еще двое местных уголовников легли на холодные камни парижской мостовой. Все, пора отчаливать. Не хватало еще ажанов, скандала и прочих вещей, которые так осложняют жизнь и отнимают время.

Девушка, наблюдавшая за этими разборками, превратилась в библейский соляной столб. Она даже не кричала, а всхлипывала, а глаза у нее были по девять копеек. Я вложил ПМ обратно в кобуру, подобрал сумочку, засунув в нее все, что валялось на земле, и только тогда узнал свою недавнюю знакомую. Это была... ну надо же – Александра Кропоткина!

– Господин Брюсов, это... это вы? Неужели? – дрожащим голосом наконец сумела произнести она.

– Александра, все в порядке, не бойтесь, – сказал я. – Инцидент исчерпан, месье уже раскаялись в содеянном. И теперь они уже вряд ли когда-либо совершат плохие поступки. Самое главное – с вами ничего непоправимого не произошло?

– Нет, они не успели, – всхлипнула девушка, – хотя их главарь уже сказал, что он будет первый. Вы появились как раз вовремя.

– А как вы здесь оказались? – Взяв девушку под руку, я поспешил покинуть с ней место происшествия.

– Фрау фон Каула уехала вчера утром по своим делам, – объяснила мне на ходу Александра, – и сказала, что вернется только завтра. Она запретила мне выходить из гостиницы. А я ведь приехала в Париж не для того, чтобы сидеть взаперти. Тем более что Париж она мне практически не показала. Вчера я гуляла по Правому берегу, и все было удачно. А сегодня спросила у одного молодого человека, как пройти к Сорбонне, и он меня завел сюда. Это тот, который рылся в моем ридикюле... – И Александра махнула рукой в сторону переулка, от которого мы уже отошли на приличное расстояние.

Потом, когда девушка окончательно пришла в себя, я галантно предложил ей:

– Мадмуазель Александра, если с вами все в порядке, и вы не спешите домой, то давайте погуляем по Парижу вместе.

Сашенька довольно быстро оправилась от испуга, и мы несколько часов бродили сначала по левому, потом и по правому берегу, пообедав в знаменитом Café de la Paix. Закончилась наша прогулка пробежкой по знаменитым «большим магазинам», где я, не удержавшись, купил девушке кучу нарядов и аксессуаров. Когда я привел ее обратно в гостиницу и хотел поцеловать ее руку, она вдруг бросилась ко мне на шею и поцеловала в губы – неслыханно дерзкий поступок для молодой девушки из хорошей семьи, мне, впрочем, пришедшийся по душе.

С неохотой оторвавшись от моих губ, она сказала:

– Виктор, если вы напишете моему папá и попросите моей руки, я буду самой счастливой девушкой в мире!

– Сашенька, – ответил я, – обещаю вам, что напишу. Но он наверняка мне откажет. Ведь кто он – потомок самого Рюрика, – и кто я?

Сашенька потупила взгляд.

– Виктор, ведь вы же югослав – а это уже немало. Я же сделаю все, чтобы он сказал «да»! Обещаю.

На этой оптимистичной ноте мы распрощались, и я отправился к Стивенсу, где меня уже ждали мои спутники, пожурившие меня за поздний приход. И действительно, мы едва не опоздали на поезд. Но я помнил чудесные глаза Александры и ее не по годам развитый интеллект...

На контрастах мне вспомнились две мои несостоявшиеся невесты. Первая, приехав вместе со мной в Североморск из Питера, сразу сказала: «Я никогда не буду жить в этой дыре». После чего укатила обратно в Питер, и больше я ее не видел. Вторую же после моего возвра-

щения из очередного похода я не обнаружил в числе встречавших. Зато, придя домой, застал ее в постели с кавалером. И она не нашла ничего лучшего, чем сказать мне все, что она думает. Я еще и оказался виноват в том, что прибыл раньше, чем она рассчитывала, а не на следующий день.

И, если честно, выгнав ее, я вздохнул с облегчением, ибо меня уже тяготила мысль, что эта дрянь когда-нибудь станет моей женой.

И когда поезд, стуча колесами, уносил нас из Парижа, я достал гитару и запел любимую мамину песню, которую, по ее словам, часто пел мой отец:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.